

Наталья Солнцева

Роковой подарок жениха

Мистический детектив (АСТ)

Наталья Солнцева

Роковой подарок жениха

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Солнцева Н. А.

Роковой подарок жениха / Н. А. Солнцева — «АСТ»,
2018 — (Мистический детектив (АСТ))

ISBN 978-5-17-106610-9

В суздальском Покровском монастыре умирала всеми забытая царевна Ксения Годунова... Горькой и трагичной была ее судьба. Одна только радость — подарок от умершего жениха остался на память. Но зачем он ей сейчас и куда его спрятать?.. Смутное время на Руси... Все рвутся к власти, и некому довериться. Прошло много времени с тех пор. А старинный русский город Суздаль как будто и не изменился. Сюда приехала Астра Ельцова, чтобы найти пропавшую девушку Ульяну. Но эти поиски неожиданно переплелись с историей древнего артефакта, символа власти франкского рода Меровингов. Странное время... Трудно кому-то довериться, все рвутся к деньгам... Эта книга ранее выходила под названием «Мантия с золотыми пчелами».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-106610-9

© Солнцева Н. А., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Глава 1	6
Москва. Наше время	9
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	25
Москва. Наше время	28
Глава 5	34
Москва. Наше время	38
Глава 6	43
Москва. Наше время	47
Глава 7	49
Глава 8	55
Москва. Наше время	58
Глава 9	61
Глава 10	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Наталья Анатольевна Солнцева

Роковой подарок жениха

Роман

*Все события и персонажи вымышлены автором.
Все совпадения случайны и непреднамеренны.*

*«Ты знаешь, я люблю горячими руками
Касаться золота, когда оно мое».*

Николай Гумилев

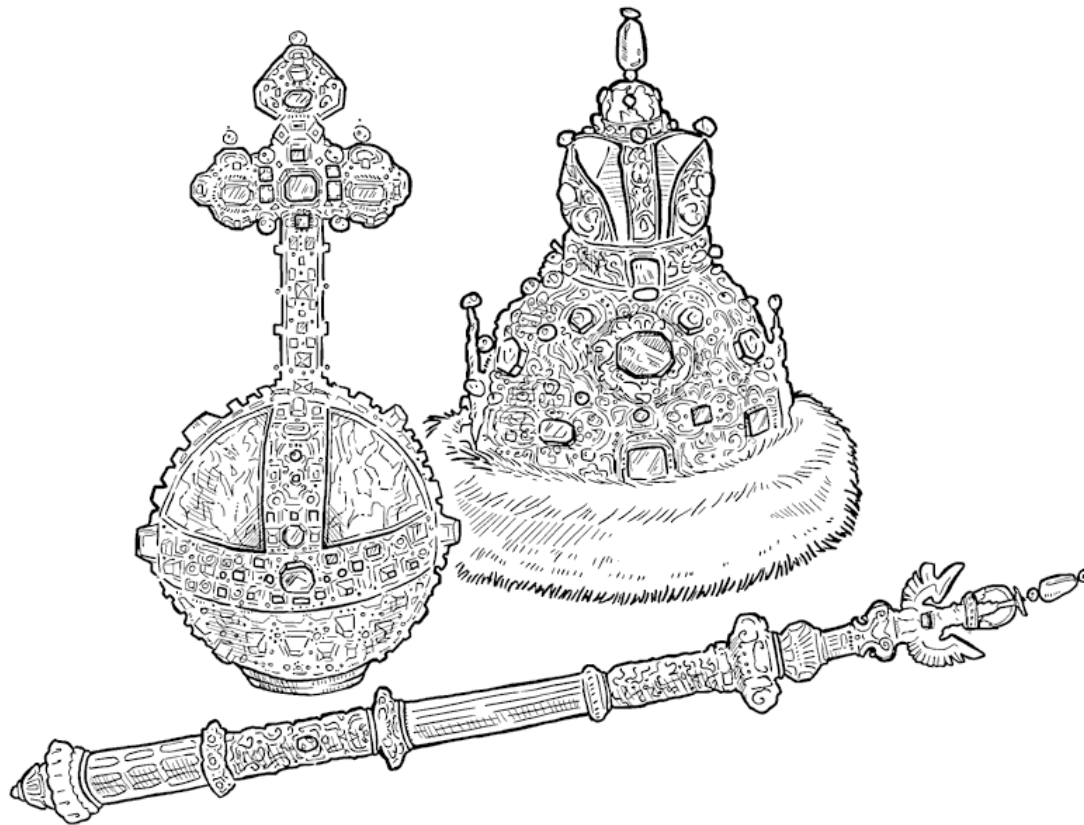
Дорогой читатель!

Книга рождается в тот момент, когда Вы ее открываете. Это и есть акт творения, моего и Вашего.

Жизнь – это тайнопись, которую так интересно разгадывать. Любое событие в ней предопределено. Каждое обстоятельство имеет скрытую причину.

Быть может, на этих страницах вы узнаете себя. И переживете приключение, после которого вы не останетесь прежним...

С любовью, ваша Наталья Солнцева

Глава 1

Владимирская область, 1976 год

Они стояли на краю ямы и с облегчением вытирали рукавами пот, заливавший глаза. Жарко... от телеги, на которой лежит тело, несет сладковатым трупным запахом...

– Пойдем... Надо быстрее покончить с этим...

В лесу звонко распевали птицы, на старом дереве постукивал дятел. Лошадь мирно щипала сочную травку. А двое мужчин тащили третьего, завернутого в серое солдатское одеяло, к свежевырытой могиле. К одеялу прилипла солома, которой присыпали труп, когда везли сюда. Бросили его вниз, на глинистое дно ямы, поспешно закидали землей...

– Господи! Грех-то какой... грех!

Один крестился дрожащей рукой, второй тщательно укладывал поверх влажных комьев зеленый дерн.

– Место глухое... никто не найдет... ни в жизнь!

– Неужто не страшно тебе?

– Кого бояться-то?

С этими словами второй разогнулся, крикнул и неодобрительно покосился на товарища.

– Да не дрожи ты! Все! Забудь о том, что было. Поехали...

Они уселись на телегу, и лошадка потрусила по лесной дороге. Колеса то проваливались в заполненные дождевой водой рытвины, то подпрыгивали на кочках. Из чащи пахло сыростью и грибами.

– Опят нынче будет, завались! И насолим, и наедемся досыта. Любишь жареные опенки? Не дождавшись ответа, разговорчивый возница затянул протяжную песню.

– Прекрати... как ты можешь? – возмутился молчун.

– А что такого? Ты это брось, дружище! Поедом-то себя не ешь...

– Неужели, мы из-за какой-то бумажки... человека убили?

– Он сам наварлся! Не хотел по-хорошему!

– Из-за какой-то бумажки... – простонал молчун. – Не могу поверить...

– И не верь! Не верь! Не было ничего... Понимаешь? Не бы-ло...

– А как же... – молчун повернулся в сторону леса, где они закопали труп, и схватился за голову. – Загубили мы себя! Ему теперь все равно, а нам...

– Поздно спохватился. Снявши голову, по волосам не плачут...

– Может, тот монашек блаженным был... ну, то есть... свихнулся?

– Блаженные, они и есть истинные пророки... Им и прошлое ведомо, и будущее.

Молчун побледнел.

– Тогда нам на роду смерть написана... – подавленно вымолвил он.

Мужчина, который управлял лошадей, досадливо сплюнул и натянул вожжи, останавливая телегу.

– Тпррру-ууу... Перестань каркать, ради Христа! – одернул он молчуна. – Еще ничего не началось, а ты уже панихиду служишь! Вот, повезло с напарничком...

Он спрыгнул на землю, достал из-под соломы топор и махнул молчуну рукой.

– Айда валежник рубить! Я телегу брал, чтобы дров домой привезти...

* * *

Москва. Наше время

Игорь Тарханин установил дома новый компьютер, но включал его редко. Ему хватало умственной нагрузки в офисе. Дома он предпочитал пассивный отдых – валяться на диване, ни о чем не думать...

Избавиться от мыслей – трудная задача. Одно время он даже посещал специальные тренинги: учился расслабляться, разгружать мозг – что-то среднее между мантра¹-йогой и психологической релаксацией. Привести ум в состояние покоя ему так и не удалось, несмотря на подробнейшие рекомендации наставников. В результате Тарханин удовольствовался тем, что научился отличать негативное мышление от позитивного и старался гасить в себе первое и развивать второе.

Сегодняшний вечер он решил посвятить ничегонеделанию. Поужинал холодным мясом, напился чаю и улегся в гостиной, одновременно являвшейся еще и кабинетом. Мысли коварно, исподволь выплыли из неведомого неиссякаемого источника и хороводом закружились в голове...

– Стоп! – вслух приказал себе Тарханин. – Хватит! Отвлекись от расчетов, парень, перестань прикидывать, сравнивать и анализировать. Дай мозгу окунуться в нирвану!

Однако вожаемые блаженство и безмятежность ускользали от него словно тени – неуловимые, неосязаемые. Он давно заподозрил, что их не существует. Есть только фантастически прекрасная мечта о них, несбыточная сказка...

Мысли о несуществующей безмятежности были ничем не лучше любых других мыслей.

– Черт! – выругался Игорь и нервно перевернулся на другой бок.

«Ты поддался негативным эмоциям, – незамедлительно откликнулся внутренний голос. – Забыл, чему тебя учили на тренинге? Если уж ты не в состоянии остановить поток мыслеформ, то хотя бы думай о приятном!»

Тарханин попробовал переключиться на приятное, отыскать в памяти моменты счастья, чистой детской радости. Вот он, голенастый беззаботный мальчишка, садится на дареный велосипед! Но радость от езды с ветерком быстро померкла, потому что маленький Игорь «не справился с управлением», упал и больно ударился, разбил себе коленку и локоть...

«Не годится! – злорадствовал его неутомимый критик. – Оплочал, брат. Поищи-ка что-нибудь действительно стоящее. Не ленись!»

Тарханину вспоминались победы на школьных соревнованиях... летние каникулы у бабушки в деревне... приз зрительских симпатий на танцевальном конкурсе... удачно сданный экзамен... и, конечно же, первое свидание... Пожалуй, короткий роман с одноклассницей Улей вышел на первый план по накалу чувств и волнующих переживаний. Уля! Сколько они не виделись? Кажется, с выпускного вечера... Они гуляли по ночному городу до рассвета, целовались, говорили всякую чепуху... В пустынных скверах сладко пахло отцветающей сиренью. Он сделал Уле предложение, она, естественно, отказала... Он решил, что жизнь кончена и хотел броситься с моста в Москву-реку. Не смог. Вероятно, слишком сильна была в нем жажда жизни, жажда перемен, новых впечатлений...

То первое убийственное поражение на любовном фронте повлияло на его будущие отношения с женщинами. Он дал себе зарок: осечки больше быть не должно, и заводил интрижки со смазливими куколками, которые сами вешались ему на шею.

Гордость не позволяла ему искать встреч с бывшей одноклассницей – с того памятного дня он старательно избегал ее. Особого труда это не составило. Во-первых, Тарханины переехали – родителям дали квартиру в Отрадном. Во-вторых, всех школьных друзей-приятелей

¹ Мантры – ритуальные и заклинательные формулы индуизма и ведизма.

разбросало в разные стороны. Он изредка виделся с Пашкой, с которым последний год сидел за одной партой, и тот охотно делился слухами: кто где устроился, кто женился, кому повезло, а у кого черная полоса. Игорь напряженно ждал, что приятель упомянет об Уле, но тот говорил о ком угодно, кроме нее. Самому спрашивать язык не поворачивался. «Что было, то бывшем поросло, – твердил он про себя. – Пашка правильно поступает. Ни к чему беречь душу!»

Уля как в воду канула.

Однажды Игорь не выдержал – ноги сами принесли его в тихий московский дворик, где он впервые с дрожью в сердце прикоснулся губами к щеке девушки... Отсюда он провожал ее в школу и сюда приводил после уроков. Их скоротечный роман вспыхнул в выпускном классе и длился полгода. Весной они допоздна сидели на лавочке, слушали, как фальшиво бренчит на гитаре сосед Ули, веснушчатый рыжий паренек, и обнимались украдкой. Ее окна выходили во двор, и после девяти мама Ули, Надежда Порфирьевна, сердитым голосом звала дочку домой. Та поспешно вставала, а Игорь пешком шагал домой, вдыхая майскую свежесть и наслаждаясь предвкушением завтрашнего дня. Ведь завтра он снова увидит Улю! Такого упоительного ощущения восторга и трепета он больше не испытывал...

– Уля... – пробормотал Тарханин и заложил руки за голову, закрыл глаза. – Какая ты сейчас? Где ты? Кем работаешь? Замужем?

Он посчитал, сколько лет прошло. Целых четырнадцать! Сам он успел жениться, развестись, и теперь с удовольствием вел холостяцкую жизнь. На жену не обижался – сам выбирал. Чтобы – боже упаси! – ничего общего с Улей: ни внешне, ни внутренне. А потом день за днем занимался самогипнозом, убеждал себя, что счастлив. Через два года терпение оборвалось.

Жгучее желание увидеть Улю – хоть со стороны, хоть краем глаза – внезапно вспыхнуло в нем с ужасающей силой, поглотило, затопило, как весенний разлив реки затапливает луга. Раньше Тарханин справлялся с этими приступами тоски по прошлому, но каждый раз это давалось ему все труднее. С годами к ним прибавилось чувство вины.

Он вскочил с дивана и зашагал по комнате. Вдох... задержка дыхания... медленный выдох... вдох... выдох... Тугой спазм в груди постепенно ослаб, рассеялся по телу тупой болью. Затылок отяжелел, заныл.

– Дурость, – пробормотал Тарханин, усаживаясь за компьютер. – Совершеннейшая дуристика!

Он нарушил наложенное им же самим табу: заглянул в одну из социальных сетей. Хорошо знакомые и забытые лица, строчки новой биографии, той, которая началась после выпуска. Многих нельзя было узнать, кое-кто просто слегка изменился, некоторые как будто остались прежними... Ули среди них не было. Он отыскал ее на одном из групповых снимков, долго всматривался в милые неправильные черты, ощущая, как просыпается в сердце юношеская страсть – незрелая, взрывоопасная, словно сухой порох.

Свой школьный альбом Тарханин уничтожил еще до женитьбы, – развел на загородном участке костер, безжалостно бросил в огонь и присел на корточки, наблюдая, как лижут языки пламени листы с фотографиями, с памятливыми надписями, среди которых затерялась скромная строчка, сделанная рукой Ули: «Люби и помни...»

– Какого черта! – процедил он сквозь зубы. – Лучше бы написала: «Прости и прощай...»

Альбом сторел, но след в душе остался. Его ничем не выжечь, не вытравить. Тогда Тарханин, кажется, начал постигать разницу между материальным и духовным... Есть ли на свете огонь, который сожжет страдания и боль любви? Что произойдет с человеком, лишенным этой боли? Совместимы ли страдание и любовь?

Со временем ему пришлось на ум, что вместо любви он испытывает ненависть к Уле. Он развенчивал ее, обвинял во всех грехах, высмеивал, изливал на нее свою злость. Заочно. Не будучи в состоянии оказаться рядом с ней, посмотреть ей в глаза, задать мучительный и бессмысленный вопрос: «Почему?»

Почему она отвергла его чувства? Почему он не прыгнул тогда в холодную мутную воду реки? Почему остался жить и даже женился? Почему ничто не радует его по-настоящему? Почему без Ули все померкло? Цветы потеряли запах, из лунных ночей ушло очарование, из музыки – волшебство, а стихи перестали трогать...

Игорь еще раз перерыл сайт в поисках каких-нибудь сведений о ней. Ничего. Пустота. Как будто Уля перестала существовать. Растворилась в тех летних сумерках, напоенных любовью и отчаянием...

Глава 2

Два месяца спустя

Матвей Карелин никак не мог решить, куда они с Астрой поедут этим летом. Опять в Крым? Или лучше пригласить ее в Таиланд? Дела в конструкторском бюро «Карелин» идут в гору, прибыль растет, и он вполне в состоянии обеспечить достойный отдых самой придирчивой женщине. Хотя Астра ею не была – несмотря на богатство ее отца, она сумела избежать соблазнов и пороков «золотой молодежи» и остаться самой собой.

Ее двухкомнатная квартира на Ботанической улице не блистала роскошью, деньги она брала у родителей в исключительных случаях. Считала, что зарабатывать их гораздо интереснее, чем тратить. Возможно, изобилие, в котором она росла, наскучило ей. По натуре Астра вовсе не была светской дамой. Она предпочитала идти по жизни своей дорогой и отстаивать собственные ценности.

Ее склонность к раскрытию преступлений говорила об остроте ее ума и любви ко всему таинственному. Карелин успел заразиться от нее этой страстью к приключениям, без которых жизнь становилась изнурительно монотонной. Тем более, что он тоже был не прочь получить щедрую порцию адреналина. Разве не это свойство характера заставляло Матвея возиться с трудными подростками, на которых махнули рукой и родители, и друзья, и педагоги с психологами? Он учил их выживать в экстремальных условиях, – в городе, в лесу, на реке, в безлюдной местности, зимой и осенью, под дождем и снегом, в жару и холод, добывать себе пропитание и воду, сооружать шалаши и землянки, разводить огонь без зажигалки и спичек.

Его группа в военно-спортивном клубе «Вымпел» считалась лучшей. Два раза в неделю он проводил тренировки по русскому бою, и третий год подряд возил своих воспитанников на соревнования в Тверь. Парни показывали хорошие результаты.

Система рукопашного боя, которую он выбрал еще в юности, стала для него не просто спортом – жизненной философией. Любую ситуацию он привык подвергать осознанному анализу.

– Если есть хоть малейшая возможность обойтись без драки, обязательно воспользуйтесь ею, – неустанно повторял он вспыльчивым, гонористым мальчишкам. – Кулаками махать – дело нехитрое.

Сегодняшняя тренировка проходила в обычном режиме. Отрабатывали толчки, захваты и броски. Матвей остался доволен, похвалил ребят.

В раздевалке к нему подошел новенький:

– Правда, что в августе мы пойдем на Зеленое озеро?

– Правда...

Зазвонил сотовый, и Матвей вынужден был прервать разговор.

– Ты еще в клубе? – прозвучал в трубке радостный голос Астры. – Когда заканчиваешь?

– Уже выезжаю. Поужинаем вместе?

– Боюсь, вдвоем не получится. Меня пригласил в ресторан один человек... Помнишь Дмитрия Евланова?² Так вот, он позвонил, попросил встретиться с его знакомым. У того какая-то проблема. Надеюсь, ты составишь нам компанию?

– Предлагаешь быть третьим лишним?

– Третьим, но не лишним, – засмеялась Астра. – Так ты заедешь за мной?

– Конечно. Жди...

* * *

Ресторан «Золотая рыбка»³ славился рыбными блюдами. Здесь можно было заказать все, что водится в соленой и пресной воде, от вареных раков и свежих устриц до экзотических японских рыбных деликатесов.

Астра выбрала себе салат из крабов и стерлядь под клюквенным соусом. Матвей последовал ее примеру.

– Принесите даме белое вино, а мне – минеральную воду, – сказал он официантке.

– Такова участь человека за рулем, – вздохнула Астра. – Поэтому я не вожу машину. Сплошные ограничения!

Матвей обвел взглядом уютный полукруглый зал в бирюзовых тонах. В стенных нишах – росписи на древнегреческие мотивы: Посейдон в окружении тритонов, резвящиеся наяды. Посередине зала в маленьком бассейне плавали между водорослей юркие золотые рыбки. Почти все столики были заняты.

– Где же твой будущий клиент? – усмехнулся он.

– Опаздывает...

– Кто он?

– Игорь Тарханин, чиновник из министерства транспорта. По крайней мере, так сказал Евланов.

Им уже принесли заказ, когда наконец появился молодой человек, назвавшийся Игорем Сергеевичем.

– Можно просто Игорь, – с натянутой улыбкой произнес он.

На вид ему было лет тридцать – рослый, худощавый брюнет с приятным лицом и неприужденными манерами. Строгий деловой стиль в одежде, прямой взгляд, правильная речь...

– Я думал, вы придете одна.

² Подробнее читайте об этом в романе Н. Солнцевой «Селфи с римским фонтаном».

³ Название придумано автором, как и все последующие. Любые совпадения случайны.

– У меня нет секретов от господина Карелина, – улыбнулась Астра. – Если вы нам не доверяете...

– Нет-нет... все в порядке. Я просто не ожидал...

Подошла официантка. Чиновник заказал себе осетрину и овощи. Он явно не торопился приступить к делу. Его что-то тревожило.

Астра похвалила здешнюю кухню, отдавая дань и рыбе, и салату. Вино тоже оказалось превосходным.

– Вы любите детективы? – обратилась она к Тарханину.

Тот смешался.

– Как читатель я предпочитаю классику... а как зритель – французские фильмы. В жизни лучше держаться подальше от криминала.

– В таком случае, чем я обязана встрече? Не ужинать же мы сюда пришли?

– Счет будет оплачен мной, – сказал он.

Астра рассмеялась:

– Вижу, дело у вас уж очень щекотливое. Так или иначе, придется рассказывать. Не тяните...

Молодой человек сверкнул глазами. Они были такими темными, что зрачок сливался с радужкой.

– Честно говоря, ни вы, ни ваш спутник совершенно не похожи на...

– Сыщиков? Мы и не претендуем на эту роль. Я по профессии актриса, а Матвей – инженер-конструктор. Но если вы изложите суть проблемы, мы постараемся вам помочь. Решайтесь...

– Уже решил. Значит, вы актриса? Я слышал, ваш отец, господин Ельцов, владеет страховой компанией «Юстина». Он состоятельный человек. Вряд ли при таком отце вы нуждаетесь в деньгах. Что же, позвольте узнать, побудило вас заняться... столь необычной деятельностью?

– Почему необычной? – удивилась она.

– Я имел в виду... для людей вашего круга...

– Она с детства обожала разгадывать кроссворды! – ввернул Матвей.

– Шутите?

– Вы привыкли подходить к вопросу обстоятельно, – усмехнулась Астра. – Тогда вам лучше поискать настоящего детектива, с опытом, со связями в силовых структурах. А я – всего лишь легкомысленная женщина, которая больше полагается на подсказку providения, чем на факты и вещдоки.

– Подсказка providения! – повторил Тарханин. – Это то, что мне нужно. Вы обладаете способностью к ясновидению? Меня не обманули?

– Скорее, я использую нетрадиционные методы. Знаете, существует два вида медицины: традиционная и народная. Вам выбирать того, кто вылечит вашу болезнь, – дипломированный врач или народный целитель. Один использует лекарства и скальпель, другой уповает на силы природы и помощь свыше. Что вам ближе к сердцу?

Молодой человек понемногу оттаивал, расслаблялся. Эта доверительная беседа расположила его к Астре и ее молчаливому спутнику.

– Я не могу обратиться в полицию по тому поводу, который... Возможно даже сам повод отсутствует. В общем... видите ли, в школе у меня был роман с одноклассницей, Улей Бояриновой... первая любовь, так сказать...

Тарханин смущенно кашлянул. Девушка-официантка принесла его заказ, и он получил пару минут передышки.

– Вы говорили о первой любви, – напомнил Матвей, когда девушка отошла.

Ее подозвали к соседнему столику. Там расположилась шумная компания из трех мужчин и одной женщины. Похоже, они праздновали день рождения дамы и потребовали еще две бутылки шампанского.

– Нашли, где отмечать, – скривился чиновник. – В рыбном ресторане!

– Чем закончился ваш роман?

– Ничем. Первый блин всегда комом... и первое чувство тоже...

– Не всегда, – возразила Астра. – В вашем случае ведь это не так?

Он попробовал кусочек осетра, не ощутил вкуса и отложил вилку.

– Я думал, что забуду Улю, выброшу ее из сердца. Начал напропалую встречаться с другими. Наверное, хотел отомстить ей! – в его голосе звучали горечь и сожаление. – Женился ей назло. А вышло, что хуже стало только мне. Она не интересовалась моей жизнью, перевернула ту страницу нашей юности и не возвращалась к ней.

– Так вы женаты?

– Разведен. Два года самообмана и неизбежный финал.

– Вы не пытались встретиться с Улей, поговорить?

– Я делал вид, что охладел к ней.

– Перед кем?

– Перед самим собой! Глупо, да? Я сжег все ее фотографии, в том числе и школьные, где мы все вместе. Не помогло. Она измучила меня, измучила! Я сдался...

У него пересохло в горле, и он налил себе минералки.

– Я сдался, – повторил Тарханин. – Прошло четырнадцать лет, как мы не виделись. А для меня будто их и не было! Будто еще вчера мы с ней сидели на лавочке в ее дворе, обнимались, я вдыхал запах мяты и дешевых духов, чувствовал сквозь платье ее тепло... Я не выдержал и пошел в тот двор, к ее дому. За эти годы столько воды утекло! Она могла переехать, выйти замуж...

– Вы нашли ее?

Молодой человек подавленно кивнул.

– Да. Она живет все там же, одна. Похоронила маму год назад. Уля была поздним ребенком. Отец их бросил. Уля его совсем не помнила. Господи! Я же ничего не знал! Я бы помог... деньгами и так... участием. Все проклятая гордость! Мне казалось унижением прийти к ней после того, как она мне отказала.

– Отказала? В чем?

– Я хотел жениться на ней. Сразу после выпуска. Она сказала, что еще рано, что нужно проверить наши чувства... Вы будете смеяться, но я едва не покончил с собой! До сих пор не пойму, что меня удержало. Наверное, грязная вода в реке... Или мое отчаяние еще не достигло предела...

– Вы так сильно любили ее?

– До сих пор я сам не понимал, как сильно... – признался Тарханин. – Стена, которую я выстроил между мной и Улей, оказалась фикцией. Наверное, мужчина не имеет права быть гордым. Эта ничтожная блажь испортила мне жизнь.

Астра представила, как он ведет себя на работе: умный, напористый, быстрый, из тех, что сразу берут быка за рога. К женщинам относится с подчеркнутой вежливостью и скрытым презрением. Неудачный школьный роман положил начало комплексу неполноценности, породил страх получить новый отказ. Провал на любовном фронте Тарханин наверняка компенсирует карьерным ростом.

– Вы хорошо продвигаетесь по службе, – сказала она.

– А... да, – махнул он рукой. – Как вы догадались?

– Ясновидение!

В ее глазах вспыхивали искорки смеха.

– Только карьера – не главное. По крайней мере, для меня. Я не буду оригинален, если скажу, что хочу обыкновенного счастья. Столько лет уже потеряно...

– В чем же состоит наша задача? – осведомился Матвей.

– Понимаете, мне вдруг стало невыносимо без Ули. Я забыл о своей дурацкой гордости и пришел к ней, но не застал дома. Соседи рассказали мне, что после смерти мамы она живет одна. Работает журналистом фрилансером. Замужем не была, мужчин к себе не водит... во всяком случае жильцы ничего такого не видели. Я ужасно обрадовался! В выходной день я приехал к ее дому и сидел в машине, ожидая, пока она выйдет. Дождался. Она сильно изменилась за эти годы – другая прическа, одежда. Но я ее узнал. В первый раз подойти не посмел, приехал на следующий вечер – в ее окнах горел свет. Она поздно ложится спать... В общем, переломить себя оказалось сложно. Прошла неделя, вторая... Наконец я сделал это – дождался подходящего момента и подошел к ней. Поздоровался... Она смотрела на меня, как на абсолютно чужого человека! Сложилось впечатление, что она понятия не имеет, кто я.

– Вероятно, вы тоже изменились, – заметила Астра. – Повзрослели, сменили имидж.

– Безусловно. Однако я же назвался, а она продолжала недоумевать. Я объяснил ей, что мы учились в одном классе и даже испытывали друг к другу симпатию. Прошло несколько минут, прежде чем она выдавила: «Ах, это ты...» Я не уверен, что она вспомнила меня! Я пытался завязать разговор. Она отвечала односложно... нехотя. Каждое слово едва ли не клещами приходилось вытягивать из нее. По-вашему, это нормально?

– Должно быть, ваша Ульяна пережила стресс, у нее могло развиваться душевное расстройство. Или частичная потеря памяти после какой-нибудь травмы. Вы ведь не знаете, как она жила все эти годы.

Молодой человек покачал головой.

– В остальном она выглядела вполне адекватно. Ухожена, добротна одета – вещи на ней не кричащие, купленные в хороших магазинах. Она не стеснена в средствах, судя по всему.

Мимо их столика осторожной походкой прошествовала официантка, неся на подносе тарелки с дымящейся ухой. Аромат рыбы, лаврового листа и укропа на мгновение перебил все остальные запахи. Тарханин замолчал и проводил девушку взглядом. Он подбирался к главному, постепенно подготавливая то ли слушателей, то ли себя.

– Что было дальше?

– Я спросил, куда она направляется, предложил подвезти. Она колебалась, я уговаривал. Потом она согласилась, и мы поехали на набережную. Была суббота, кажется. Ясный солнечный день. Все цвело... Уля взяла с собой фотоаппарат – большой, дорожный, каким и пользуются профессионалы, – сказала, что собирается делать снимки для своей статьи.

– Она пишет статьи?

– Для женских журналов, с которыми связывается через Интернет. Уля, по ее словам, окончила журфак. Она еще в школе стремилась к свободе. Говорила, что не представляет себя штатным сотрудником, что сможет заниматься только творчеством и только по собственному желанию. Дисциплина претила ей. «Я вольный художник», – так она любила повторять.

– У вас есть основания не верить ей?

Тарханин ослабил узел галстука и глубоко вздохнул:

– Вроде бы нет... С другой стороны, чем больше я приглядываюсь к ней, тем сильнее меня одолевает странное чувство... Боюсь, вы сочтете ненормальным именно меня. Я бы на вашем месте сам так подумал. С тех пор, как я увидел Улю, меня терзают дичайшие мысли! Я забыл, что такое спокойный сон. Лягу и начинаю анализировать, сравнивать – ту Улю, которую я любил... и эту, новую... с фотоаппаратом и фальшивой улыбкой, будто приклеенной к ее губам. Знаете, от нее все так же пахнет мятой, как тогда, в нашей юности... Кое-что свидетельствует за Улю, а кое-что – против. И последнего больше.

– То есть... вы хотите сказать, что нынешняя Уля не та... или не совсем та, которая училась с вами в одном классе?

– Да! – словно в омут с головой бросился Тарханин. – Я никак не мог это произнести.

– Вы имеете в виду внешность?

– Отчасти...

– Сейчас пластическая хирургия стала более доступной. Женщины помешались на своей красоте и...

– Только отчасти! – перебил чиновник. – Некоторые качества ее характера тоже... перенесли изменения. Словно кто-то стер ее личность и загрузил иную программу... похожую, но иную. Кому-то необходимо, чтобы эту женщину принимали за Ульяну Бояринову!

– Зачем?

Он пригладил волосы, которые и без того лежали безукоризненно.

– Вот мы и подобрались вплотную к вашей задаче. Я хочу, чтобы вы выяснили, кому и зачем понадобилась такая... нелепая рокировка.

– Вы любите играть в шахматы? – спросила Астра.

– Что? А... немного увлекался в отрочестве. Забросил. Я поклонник подвижных игр, – футбол, баскетбол. Впрочем, мы отклонились от темы.

Справившись с самой тяжелой частью разговора, чиновник воспрянул духом.

– Вы утверждаете, что Ульяна – на самом деле не Ульяна, а кто-то другой? – уточнил Матвей. – Двойник? Это из области фантастики, простите...

– Вот причина, по которой я искал не просто детектива, а человека, способного вникнуть в ситуацию, разложить ее на составляющие, а не сходу отметать. Мне порекомендовали господу Ельцову. Признаться, я был удивлен, – он повернулся к Астре. – Однако поразмыслив, я пришел к выводу, что вы – подходящая кандидатура. Вы занимаетесь сыском не столько ради денег, сколько из любви к тайнам. Вы обладаете способностями, которые позволяют вам видеть то, что недоступно уму. Я прав?

Она пожала плечами:

– Не хочу вас обнадеживать, Игорь... Мои способности не простираются так далеко, как вы полагаете. Люди склонны приукрашивать действительность.

– Послушайте, вы беретесь мне помочь? Возможно, я сгущаю краски, возможно, я не в силах смириться с тем, что Уля изменилась, что она остыла. Что я сам остыл, черт возьми! Убедите меня в обратном, и я сниму перед вами шляпу.

– А вы не допускаете, что плохо изучили девушку, в которую были пылко влюблены? – спросил Матвей. – Любовь слепа! Многие годы вы рисовали в своем воображении идеал, а теперь разочаровались в нем, и это разбило вам сердце. Возвращаясь к старому, мы порой не находим того, что искали.

– Я не разочаровался. Я... впрочем, не важно... Чего я только не передумал за то время, пока пытался понять нынешнюю Улю, проникнуть в ее мир. Она почти не отзывается на мои слова, отказывается вспоминать прошлое. Говорит, что со смертью матери бывшее для нее тоже умерло. Я не вижу в ней радости, не вижу и горя... Она какая-то неестественная, натянутая. Но стоит мне оставить ее в покое, как она оживает. Несколько раз я украдкой наблюдал за ее прогулками с фотоаппаратом. Она улыбается, ее походка и жесты становятся раскованными, она щелкает все подряд, не выбирая ни ракурса, ни стоящего вида...

Он повел руками в воздухе, выражая крайнюю степень недоумения.

– Вы разбираетесь в фотографии?

– Как все люди. Я полагаю, что фотограф должен делать снимки со смыслом, с каким-то эстетическим содержанием.

– Она журналистка, а не фотограф, – напомнил ему Матвей. – Прогулки с фотоаппаратом могут быть ее хобби. По-моему, вы придираетесь к женщине. Прошло без малого полтора десятка лет, вы оба уже не юные школьники!

Тарханин замолчал и уставился в свою тарелку. Он ничего не ел. Кусок осетрины остыл, соус подернулся пленкой.

Шумная компания за соседним столиком добралась до десерта. В маленьких чашечках дымился кофе. Женщина громко смеялась и пыталась выпить на брудершафт с одним из сидящих рядом мужчин.

– Вы возобновили свое ухаживание за бывшей одноклассницей? – спросила Астра.

– За Улей? – встрепенулся чиновник. – Вряд ли это можно так назвать. Я приезжаю, наблюдаю за ней из машины, как она выходит из дому или, наоборот, заходит... Когда я предлагаю ей вместе провести время, она вежливо отказывается... Изредка она садится в мою машину, и я везу ее в какой-нибудь тихий ресторанчик. Мы болтаем о разных пустяках. Сначала она боялась меня, потом привыкла. Увидела, что я не опасен, – усмехнулся он. – В общем, наши отношения больше похожи на приятельские. Самое ужасное, что я не испытываю к ней никакой страсти, влечения: будто существуют две Ули, – эта и та, далекая, недоступная...

– У нее есть особые приметы... наподобие родимого пятна, шрама?

Молодой человек покачал головой:

– Нет. Возможно, на теле где-нибудь и есть, но мне об этом не известно. Мы не переходили граней приличия. Уля бы не позволила.

– А как насчет ее близких друзей?

– Она ни с кем не водила тесной дружбы. Я был единственным. Но в бане, как вы понимаете, мы вместе не парились. После выпуска она перестала общаться с одноклассниками – так же, как и я. Думаю, Уля не ожидала, что ее отказ выйти за меня замуж повлечет за собой полный разрыв. Она переживала это по-своему, я – по-своему.

– Вы намерены продолжать встречаться с ней? – спросила Астра.

– Да, – твердо заявил Тарханин. – Я должен разгадать этот ребус. Или мне придется идти на прием к психиатру. Чего я, кстати, не исключаю... Знаете, мне стало казаться, что за мной кто-то наблюдает.

– За вами следят?

– Когда я приезжаю к дому Ули, я начинаю чувствовать чей-то взгляд. Но не могу определить, откуда на меня смотрят. Это ведь тоже из разряда... психических расстройств. Мания преследования и прочее...

– Не обязательно, – сказал Матвей. – Бывает, соседи проявляют любопытство. Их хлебом не корми, дай в окно поглазеть.

Этот довод не успокоил Тарханина...

Глава 3

...Змея кольцами обвивает могучее дерево... Вооруженные всадники преследуют дикого кабана, тот скрывается в тумане, который поглощает охотников – одного за другим... Мрачные своды замка, в очаге из каменных валунов горит огонь. Над огнем – богато изукрашенный серебряный котелок. В нем булькает ритуальное варево – угощение для богов и героев... Бронзовая русалка восседает на постаменте посреди круглого водоема... Карнавальная ночь на улицах Венеции. Танцы наряженных в маскарадные костюмы людей... Золотое блюдо с лежащей на нем отрубленной головой... Старинная усадьба проглядывает между деревьев, на фасаде – лепной декор в виде масок... Толпа ряженых сжигает на костре соломенное чучело... Обнаженные любовники в масках слились в объятиях на роскошном ложе... Россыпь Млечного Пути сияет на темном небе... Загадочно улыбается богиня Афродита, изваянная из мрамора. На ее волосах – венок из мандрагоровых цветов... Корова пасется на зеленом лугу... Повешенный раскачивается на виселице... Туристы окружили фонтан и бросают туда монетки...

Астра в очередной раз просматривала «флешку из тайника»⁴, когда в комнату вошел Матвей.

– Опять? – возмутился он. – Ты знаешь каждый эпизод наизусть!

⁴ Подробнее читайте об этом в романе Н. Солнцевой «Свидание в Хэллоуин».

– Угадай, какой из них предвещает новое расследование? Куда вписывается история Тарханина и Ульяны?

– По-моему, у парня проблемы с психикой...

– Погляди-ка на русалку! – как ни в чем не бывало, воскликнула она. – На ее рыбий хвост! Не зря Игорь Сергеевич назначил нам встречу в рыбном ресторане.

Матвей приснул со смеху.

– Что да, то да. Ты забыла, дорогая, одну мелочь: мимо нашего столика проносили тарелки с ухой. А уху могли варить в котелке... Значит, эпизод с котелком имеет такие же шансы, как и русалка.

– Издеваешься?

Эту флешку Астра вынесла из горящего дома баронессы Гримм, вместе с венецианским зеркалом и корешком мандрагоры. Мнения Астры и Матвея по поводу любительского видеофильма, созданного сумасшедшим убийцей, расходились. Она считала разрозненные кадры проекцией будущего. Он – случайным набором зловещих картинок.

– Безумец ушел, но продолжает управлять нами посредством этого видео, – твердил Матвей. – Выбрось флешку и забудь о ней!

– Нельзя, – возражала Астра. – Отснятые на ней кадры указывают нам путь. Это под- сказки.

– Куда же мы должны прийти, по-твоему?

– Не куда, а *к чему*? К новому пониманию себя...

Эпизоды странного фильма сопровождались песней без слов, высоким женским голосом пленительного тембра. Мелодия завораживала слушателя, увлекая его в мир мрачных колдовских грез. Астра утверждала, что кадры эти связаны с древнейшей разновидностью чародейства – магией древних кельтов, народа, канувшего в Лету, но оставившего после себя самые романтичные из легенд.

– Раз флешка попала нам в руки, за этим что-то стоит.

– Или кто-то! – злился Матвей. – Кто сам свихнулся, а теперь хочет свести с ума других. Ты поддаешься!

– Я пытаюсь понять...

Их споры обычно заканчивались длительным перемирием на время очередного расследования. Слова Астры невероятным образом сбывались. Какой-нибудь полученный из видеофильма намек наводил ее на мысль, которая оказывалась ключом к раскрытию преступления. Она руководствовалась интуицией, тогда как Матвей привык к осознанному анализу. В ее действиях не было логики, но в результате они полностью себя оправдывали.

Он продолжал подтрунивать над ней скорее по инерции. Особенно из-за зеркала. Астра вообразила, что в зеркале из «венецианского» стекла живет двойник его владельца. Она часами сидела, вглядываясь в блестящую поверхность, покрытую желтоватой амальгамой. И порой измученный мозг выдавал именно то, чего она ждала, – образ похожей на нее женщины. Женщина якобы давала Астре советы, необходимые для успеха дела.

– Это твое отражение, – посмеивался Матвей. – Ты разговариваешь сама с собой!

Для «энергетической подпитки» зеркала она зажигала десятки свечей и ставила их вокруг себя. Хотя, кто больше нуждался в подпитке от живого пламени – еще вопрос. Астра обожала огонь в любом его проявлении. Свечи, камин, горящие в печи дрова, костер, разведенный в лесу, – она бесконечно могла любоваться огнем.

В ее квартире на Ботанической улице были большие запасы свечей на любой вкус. Она покупала их коробками, упаковками.

– Значит, ты поверила этому Тарханину, – скептически улыбнулся Матвей, усаживаясь рядом с ней на диван. – И теперь ищешь связь между его школьным романом и кельтской магией. Скажу прямо, я ничего подобного не вижу. Кроме рыбного ресторана...

Он сдержал смешок.

– Зачем кому-то подменять одну женщину другой?

– Никто и не подменял. Я больше чем уверен! На поверку окажется, что наш уважаемый госслужащий стал жертвой собственного разочарования. Оно слишком велико! Игорь Сергеевич не может поверить, что его незабываемая любовь исчерпала себя еще той давней весной. Он не находит в Ульяне бывшей милой девушки, которая покорила его сердце... и просто не в силах смириться с этим. Все мы в юности обожествляем предмет первой страсти. А жизнь разрушает пьедесталы и низводит наших кумиров до уровня обыкновенных людей, ничем не примечательных обывателей. Не каждый в состоянии *держат удар*.

– Тебе бы лекции читать молодому поколению – о вреде пылких чувств.

– При чем тут вред? Я говорю о душевной закалке.

Астра вспомнила собственное несостоявшееся замужество, измену и смерть жениха, и загрустила.

– Ну вот, я испортил тебе настроение!

В ее гостиной преобладали яркие тона: красный, желтый, зеленый. Она постоянно что-то меняла в интерьере. Как будто ей не доставало впечатлений. Должно быть, по той же причине она увлеклась частным сыском.

– С какого конца ты собираешься распутывать этот клубок? – спросил Матвей, чтобы отвлечь ее от печальных мыслей. – Заметь, речь идет о молодой женщине, а не об отшельнике, который ни с кем не общается и которого никто не видит. Соседи первые бы забили тревогу, будь что-то не так. Эта Ульяна выросла среди них, ходила в школу, жильцы дома знали ее мать...

Он сам сообразил, какую ерунду говорит. Времена нынче не те, что раньше. Никому ни до кого нет дела.

– Мне нужно прогуляться по той улице, почувствовать кто чем дышит, – сказала Астра. – Кто там живет, что за люди. Понаблюдать за самой Ульяной. Хотя бы издали...

– Тарханин-то ее узнал, выходит, она не так уж изменилась.

– Жаль, что она «вольный стрелок». Коллеги порой знают о человеке больше, чем соседи. Люди продают квартиры, переезжают, умирают... В подъезде остается один-два старожил.

– В лучшем случае, – выразил свой пессимизм Матвей. – Боюсь, мы не найдем толкового собеседника. Позвони-ка ты Борису, пусть тот пробьет по полицейской линии, по ЖЭКу...

* * *

Ему показали ее в ночном клубе «Мустанг», – заведении не слишком роскошном, но вполне приличном. Интерьер в духе американского ранчо: деревянная отделка, на стенах – степные пейзажи, оживленные табунами диких лошадей, и жанровые сценки: стрижка овец, состязания ковбоев. Персонал, облаченный в ковбойские штаны и сапоги. В баре – пестрая батарея любимых ковбоями крепких напитков по сумасшедшим ценам.

Она сидела за столиком со скучающим видом.

– Настоящая леди. Одинокая и грустная! – игриво подмигнул ему бармен, смешивая коктейль. – Рискните, мистер...

Он брезгливо поморщился. Фамильярность была ему не по душе. Они тут прикидываются американцами, и выглядит это довольно смешно.

Девушка была одета в потертые джинсы и клетчатую рубашку, красный шейный платок подчеркивал нежную белизну ее кожи.

– Разрешите?

Она подняла густо накрашенные глаза и улыбнулась. Мужчина удовлетворял ее требованиям – не желторотый юнец, который шикует на родительские деньги, а вполне самостоятель-

ный мэн, крепко сбитый, уверенный в себе, опытный в обращении с дамами. На лице – легкая модная щетина и ни тени смущения. Можно знакомиться.

– Марк, – непринужденно представился он. – Вот, решил развеяться... Составите компанию?

– Присаживайтесь...

– Как вас зовут?

– Люси...

Она не умела вести заумные беседы, поэтому ограничивалась короткими репликами. Интеллект – далеко не главное достоинство женщины. Но все же не стоит сразу выставить напоказ его отсутствие.

– Эй, парень! – Марк подозвал официанта. – Принеси-ка нам фирменный коктейль!

– «Всадник без головы»?

– Прикольно, – захихикала девушка. – Я тут всего третий раз, еще не пробовала...

– Напиток сбивает с ног лошадь, – заученно пошутил официант. – Для дамы лучше взять...

– Я сам знаю, что лучше! – оборвал его Марк и повернулся к Люси. – Вы хотите «Всадника без головы»? Вижу, что хотите. В некоторых случаях потерять голову даже приятно...

В его словах и усмешке сквозила фривольная двусмысленность. Люси не обольщалась на его счет. Она пару раз обожглась на таких клубных знакомствах и теперь смотрела на мужчин более трезвым взглядом. Если повезет, знакомство продолжится, а нет – она не намерена проливать горькие слезы. Хватит с нее развода. При ее субтильных формах и плоском животике потерять три килограмма – нешуточное дело. Именно столько «живого веса» ушло у нее при расставании с мужем.

Предприимчивая провинциалка, Люси сделала в Москве головокружительную, по меркам ее родного Зарайска, карьеру – от рядовой работницы фирмы добрых услуг до супруги молодого респектабельного столичного чиновника. То ли подъем оказался чрезмерно высоким, то ли судьба вздумала посмеяться над Люси, но ей пришлось быстро спуститься с неба на землю. Муж стремительно охладевал к ней, и через год брака он уже разговаривал с ней сквозь зубы и оттаивал только в постели. Однако неустойчивая в сексе Люси и тут потерпела фиаско. Напрасно она изводила себя диетами, морила голодом и мучила тренажерами. Ее худоба, вместо того, чтобы привлекать, отталкивала супруга. В конце концов он обвинил ее в расточительстве, глупости и подал на развод. Люси сопротивлялась недолго. Решила, что надо выжать из неудавшегося брака все возможное и начинать новую жизнь. Еще два-три года, и время сведет на нет ее шансы обзавестись обеспеченным мужем.

Возвращаться на старое место работы она сочла ниже своего новоприобретенного статуса. Хотя сам он был потерян, Люси продолжала вести жизнь, к которой успела привыкнуть. Благо, бывший муж сжалился и оставил ей немного денег: с тем, что удавалось получить от скороспелых любовников, на праздную жизнь пока хватало. Однако серьезные отношения не складывались. Один поклонник бросил ее, другого она сама прогнала... словом, на личном фронте Люси пошла черная полоса.

Она меняла места охоты – там, где ее уже знали, появляться с определенной целью становилось неловко. Бывших знакомых она избегала по той же причине. Клуб «Мустанг» привлекал Люси простотой «дресс-кода», – здесь можно было обойтись без дорогостоящих нарядов. Ковбойский стиль не требовал больших затрат.

– О чем задумались? – спросил Марк.

Люси встрепелась и внутренне обругала себя. В кои-то веки попался нормальный мэн, а она ударилась в воспоминания.

Между ними завязался обычный разговор – о погоде, о том, где лучше провести отпуск: в Европе или на островах. Люси робко кокетничала, дабы сразу не отпугнуть потенциального

ухажера. Он ни о чем ее не расспрашивал и о себе не распространялся. Она последовала его примеру, сознательно избрав подражательное поведение. Так было проще. Ей надоело попадать впросак.

«Всадник без головы» оказался крепким напитком. Сделав несколько глотков, Люси захмелела. Мужчина напротив улыбался, откровенно поглядывая на ее грудь. Слава богу, за размер ей краснеть не приходится. То, чем обделила природа, теперь легко восполнить за деньги. Будь у нее бюст, как сейчас, муж бы ее не бросил!

Когда Люси пьянела, мысль о муже появлялась сама собой, словно чертик из табакерки. Хорош был, мерзавец! И деньги умел зарабатывать, даром, что на государственной службе. Впрочем, этот, кажется тоже ничего...

Люси невольно пришло на ум знакомство с бывшим мужем. Это случилось на Рождество, в ресторане. Она была Снегурочкой – приехала от фирмы по вызову вместе с Дедом Морозом развлекать публику. В свои двадцать Люси выглядела на шестнадцать: юная, светлокожая, светлоглазая, светловолосая, с трогательным румянцем на нежных щеках, с розовыми нетронутыми губами, в платье из синего атласа, расшитом серебром и стразами, в шапочке с белой опушкой...

Будущий супруг много выпил. Черт знает, кого он в ней тогда увидел – девочку-Снегурочку, дочь Весны и Мороза или воплощение чистой любви. Она подыгрывала ему, как могла, как получалось. Наверное, он влюбился не в нее, а в принцессу из снежного царства, холодную и неприступную. Ему лестно было растрогать ее ледяное сердце, разгорячить ее кровь... Из ресторана они поехали к нему, провели восхитительную ночь, полную страсти и сумасшедших признаний. Снегурочка молчала, как ей и было положено, и, боясь своего счастья, сдержанно принимала пылкие ласки возлюбленного. За окнами шел густой снег. Они пили шампанское и закусывали черным виноградом. Наутро он сделал ей предложение, она ответила согласием. Вряд ли оба понимали, что делают. Их закружила, заморочила рождественская сказка, сентиментальная вера в чудо...

До самого момента обмена кольцами, Люси не верила, что все происходит наяву. Потекли супружеские будни – день за днем, ночь за ночью. Она ждала темноты и боялась дневного света. При свете они казались такими разными – муж и жена.

– Хочешь, я устрою тебя на работу? – как-то вскользь предложил он. – Секретаршей в какой-нибудь департамент?

– Почему не в твой? – удивилась она.

– Зачем же мне позориться? Извини, детка, но ты двух слов связать не можешь и пишешь, вероятно, с ошибками!

Она засмеялась, потому что он попал в точку. Тогда на его лице впервые появилось выражение безразличного недоумения...

– С вами все в порядке? – Марк наклонился через столик, обдавая ее запахом «Джиганши».

– Д-да... – очнулась она. – Просто коктейль ужасно крепкий... Я, кажется, не смогу подняться...

Люси сделала еще глоток и попробовала встать на ноги. Ее хохот потонул в звуках банджо, которое терзал джазмен в ковбойской шляпе.

– Отвезти вас домой?

Марк чуть ли не на руках вынес ее на улицу. Стояла тихая летняя ночь. В траве стрекотали сверчки. На парковочной площадке двое мужчин курили, беседуя вполголоса. Город, расцвеченный огнями, жил своей тайной и порочной жизнью. Люси едва соображала, что с ней происходит...

– Я... вас... совсем не знаю... – выдавила она.

– Это легко исправить.

– У меня... голова... кружится...

Он усадил ее в машину и завел двигатель.

– Говорите адрес...

Если бы Люси была чуть трезвее, она бы испугалась. Незнакомый человек везет ее неведомо куда...

Глава 4

Суздаль, XVII век

Покровский женский монастырь

Разве думали, гадали ее родители, какая злая доля выпадет их любимой дочери? Вместо царственного мужа – постылый насильник; вместо золотого венца – монашеское покрывало; вместо счастья и радости – горе и слезы; вместо привычной роскоши – нищета; вместо почета – посрамление и поругание; вместо славы – забвение...

Даже имя у нее отобрали, нарекли при постриге Ольгой. Все минуло, кануло, сердце облилось кровью, заpekлось, окаменело. К прежнему возврата нет и не будет. Недолго уж осталось ей томиться душою и телом, скоро прекратятся ее страдания: придет за ней смерть. Не разлучница – долгожданная посланница милосердных небес, что соединит ее навеки с теми, кого она любила. С дорогим батюшкой, с ласковой матушкой, с милым братцем, с красавцем женихом...

В сумрачной келье холодно – едва греет маленькая жаровня с углями, присланная из милости Шуйским⁵. Но это не спасает от пронизывающей сырости. А может, совсем остыла душа старицы Ольги, бывшей царевны Ксении Годуновой, злополучной дочери царя Бориса...

Выросла она у подножия трона, в неге и холе, в шелках и бархате. Расцветала, осознавая незавидную участь русских царевен. Выдать их замуж за иноверца – для московского государя грех, а православного жениха не сыскать, чтобы по происхождению своему был достоин руки

⁵ Здесь – Василий Шуйский, русский царь (Василий IV) в 1606–1610 годах.

царской дочери. Вот и сохли высокородные девицы в изукрашенных светелках, укрывались от мира в тихих обителях. Печальной чередой проходили они, безвестные, безгласные, по свету, и исчезали во тьме веков... Воистину, родиться в порфире еще не значит вкушать наслаждений земных!

Иную судьбу сулила Ксении переменчивая фортуна. Отец ее, став царем, сразу начал искать иноземного принца – в женихи образованной и прелестной отроковице. Бог наделил Ксению и умом, и красотой. Ни мала ни велика, стройна, лицом румяна, черноглаза и черноброва, с длинными пышными волосами, заплетенными в косы, с телом будто из сливок, «млечною белостию облиянна» – настоящая красная девица из народных сказаний. При том она была обучена чтению, письму и музыке, знала латынь, ездила верхом и умела танцевать. Борис Годунов, мечтая устроить счастье единственной дочери, вел переговоры с правящими домами Западной Европы.

Звездочеты, коих он созвал на тайный совет, предсказали ему, что он будет царствовать всего семь лет.

«Хоть бы семь дней!» – воскликнул честолюбивый Годунов. Шапка Мономаха грезилась ему днями и ночами, жажда самодержавной власти затмевала рассудок. По сути, он и без царского венца управлял государством Московским при физически слабом Федоре Иоанновиче⁶. Пока царь молился и самолично пел на клиросе, Борис делал все, что положено делать монарху, пекущемуся о благосостоянии своих подданных. Со смертью «постника и молчальника» Федора оборвалась линия Рюриковичей. Борис Годунов, – «худородный боярин», – завладев трон, не мог чувствовать себя уверенно. Породнившись с законным отпрыском европейской королевской династии, он надеялся упрочить свое положение. Отчасти этим объяснялась его одержимость «достать» для царевны знатного жениха. Русские бояре казались ему холопами, недостойными руки Ксении. Эх, кабы знать, что ждет впереди!

Сватовство не ладилось. Царь настаивал, чтобы жених принял русскую веру и жил в России, обещая дать в приданое за дочерью Тверское княжество. Первым претендентом оказался шведский принц Густав. Ксении показали его портрет – она была разочарована. Да и Густав не оправдал ожиданий: он наотрез отказался менять вероисповедание и продолжал вести разгульный образ жизни. Его любовница ездила по Москве в карете, запряженной четверкой белых лошадей, как полагалось ездить только царицам. Бояре роптали, московский люд указывал на нее пальцами. Оскорбленный Борис разорвал помолвку и отправил принца в Углич, назначив ему денежное содержание. Такой человек не мог стать его зятем.

Ксения сидела в тереме, с тоской глядела на маковки кремлевских храмов, представляла, как в жемчугах и платье вишневого бархата ступает она по парчовому ковро, как празднично звонят колокола, как гостеприимно распахнуты двери Успенского собора, освещенного сотнями свеч... Ее сердце сладко замирало в груди, дыхание учащалось, а щеки горели алым румянцем. Неведомый, но «зело чудный образом» благородный юноша преклонял колени и подносил ей богатые свадебные подарки, его глаза светились любовью и восхищением...

Прошли три долгих года. Царедворцы перешептывались: «Рано вянет девичья красота, стареет царевна... Засиделась! Кто ее теперь возьмет за себя?»

Всего-то двадцатый годок пошел Ксении, она вызрела в царских покоях, будто драгоценный плод, достигла полного расцвета. А ее уж называли старой девой...

Батюшка ее между тем неустанно хлопотал, и хлопоты его не остались втуне. Датский король Христиан согласился отпустить своего брата в далекую Московию. Герцог Иоанн должен был навсегда поселиться в уделе, назначенном ему тестем. Корабль принца благополучно пересек Балтийское море, и тот сошел на берег в сопровождении многочисленной свиты.

⁶ Федор I – второй сын Ивана Грозного, женатый на сестре Бориса Годунова Ирине. Последний легитимный наследник трона из династии Рюриковичей.

Его путь до Москвы был обставлен с подобающей пышностью: на каждой остановке датчан угощали медом и обильными яствами, при въезде в города палили пушки, и ратные люди выстраивались в ряд, дабы отдать честь высокому гостю. Кортёж делал не более тридцать верст в день, герцог развлекался охотой, любовался просторами незнакомой земли. Перед ним расстилалась бескрайняя загадочная Россия, где ему предстояла встреча с царственной невестой...

Он проехал Новгород, Торжок, Старицу. Приставленные к чужестранцу боярин Салтыков и дьяк Власьев рассказывали о жите-бытье и обычаях москвитов. Царь прислал в подарок будущему зятю расписной деревянный возок с дорогой обивкой, породистых лошадей для упряжки и одежду, расшитую золотом и самоцветными камнями.

Москва встретила жениха Ксении оглушительным колокольным звоном и толпами любопытных. В Китай-городе для него заранее приготовили лучший дом, устлали коврами, заставили богатой утварью. Велено было обеда принцу и его дружине ежедневно подавать из царской кухни «на тридцати золотых блюдах и множество сосудов с вином и медом».

Царь Борис и царевич Федор, брат невесты, на пиру обнимали датчанина как родного, усадили возле себя, потчевали разносолами: и дичью, и пирогами, и прочими яствами. Бракосочетание решили отложить до зимы. Царская семья собиралась отправиться на богомолье в Троице-Сергиеву лавру, как полагалось перед важным событием.

Ксения, которой нельзя было появляться на пиру, поднялась в верхний коридор трапезной палаты и оттуда незаметно наблюдала за женихом. По русскому обычаю невеста до свадьбы не могла видеть суженого лицом к лицу. Иноземец сразу ей приглянулся. Молодой, красивый, статный, с горделивой осанкой, одетый в европейское платье, герцог Иоанн выгодно отличался от бородатых бояр, которые неопрятно ели и слишком много пили. Было в нем еще что-то, запавшее в душу царевны с первого взгляда... Кровь ее взыграла, быстрее побежала по жилам, сердце затрепетало. Так вот, каков он, избранник, который поведет ее к венцу! Вот для кого берегла она себя...

Томительное и ужасное предчувствие сжало ей грудь, она начала задыхаться. Королевич, странным образом ощутивший ее присутствие, поднял глаза... Ксения отшатнулась, отступила вглубь коридора, сжала губы, чтобы сдержать рвущийся из горла крик. Раненой птицей упала на руки матери. Царица Марья тоже была тут, придирчиво рассматривала зятя, искала изъяны. Хорош был датчанин, ничего не скажешь...

– Что с тобой? – испуганно склонилась она над Ксенией. – Сомлела, голубка кроткая... Аль жених не по нраву?

* * *

Москва. Наше время

Дом на Тихвинской улице, где проживала Ульяна Бояринова, был пятиэтажным, без лифта, построенным, вероятно, полвека назад. Во дворе росли липы и старые кусты сирени. Сирень отцвела, листья лип казались влажными, клейкими. Несколько удобных деревянных лавочек помещались в тени деревьев, на одной дремала старушка в панаме.

Астра присела рядом, достала из сумки фотоаппарат и принялась шелкать. Соседка встрепенулась, открыла глаза и с интересом покосилась на нее из-под полей линялой панамы.

– Ты кто будешь, дочка?

– Корреспондент газеты «Заповедные уголки Москвы», – без запинки выпалила Астра. – Готовлю фотовыставку. Ищу дома и дворы, связанные с историей нашего города.

Старушка с сожалением вздохнула.

– У нас нет ничего примечательного... Никто из знаменитых людей в нашем доме не жил. Никакой исторической ценности он не представляет. Типовая послевоенная застройка. А вот ремонт не мешало бы сделать. Гляди, стены облупились, и в подъездах безобразие. Ты все сфотографируй! Вдруг, у наших начальников совесть проснется...

Астра послушно выполнила ее просьбу. В подъездах, которые показывала ей пожилая дама, на стенах местами обсыпалась штукатурка, плитка на площадках потрескалась, окна были грязными. Щелчки фотоаппарата отзывались гулким эхом в лестничных пролетах.

– Ты людей тоже снимаешь или только дома?

– Могу и людей, – кивнула Астра.

Старушка поправила выбившиеся седые волосы и приосанилась.

– А меня можешь снять для выставки? Я тут, почитай, лет сорок живу! Я ветеран войны, у меня и награды есть. Хочешь, покажу?

Она пригласила Астру в просторную квартиру на первом этаже, полную книг и воспоминаний. Повсюду – полки с тисненными корешками разноцветных томов, стопки толстых журналов, портреты в рамках. Молодой военный в летном шлеме стоит у крыла самолета, санитарка с огромной медицинской сумкой через плечо застенчиво улыбается в объектив...

– Библиотеку мой покойный муж собирал, – сообщила старушка. – Очень он книжки любил. Рука не поднимается продать. Вот когда умру, пусть дети решают, как с ними быть.

– Это вы? – Астра показала на черно-белое фото санитарки.

– Я... Летом сорок третьего года, Курская дуга. Девчонка еще совсем... Ты садись, дочка, за стол... чай пить будем.

К чаю, Антонина Федоровна, – так звали гостеприимную хозяйку – подала пышки и малиновое варенье.

– Прошлогоднее, – объяснила она. – Ягоды не покупные, с собственной дачи. Ты ешь, ешь, не брезгуй...

– Как же вы на даче управляетесь?

– С трудом. Слава богу, дети помогают...

Они разговорились, словно две давние подруги, – разница в возрасте стерлась. Старушка рассказывала о войне, Астра слушала, угощалась вареньем и гадала, как бы плавно перейти к вопросу об Ульяне Бояриновой.

– В вашем доме, кажется, живет одна журналистка. Я ее статью читала и снимки видела. Она любит фотографировать уголки старой Москвы.

– Кто ж такая-то?

Астра наморщила лоб, делая вид, что пытается припомнить.

– Бояринова... Ульяна... если не ошибаюсь...

– Ах, Улька! – просияла старушка. – Она разве журналистка? Тунеядка! На работу не ходит, болтается по улицам со своим фотоаппаратом... И на что только живет? Пока мать была, небось, ее пенсию проедала. Та в гроб-то и легла с горя. Ульке все лучшее – и самый сладкий кусочек, и обновку, и то, и се... А доченька по кривой дорожке пошла! Не в мать уродилась, в отца. Тот ребеночка сделал Надежде и был таков. Не про него, вишь, семейную лямку тянуть. Всю жизнь Надя, бедолага, одна промучилась, дочку подняла, на ноги поставила, выучила. На копейки перебивалась, во всем себе отказывала, лишь бы Уленьке было хорошо. Она ведь ее поздно родила, уже в возрасте.

Антонина Федоровна насупилась, как будто непутевая Ульяна была ее дочерью, а не покойной соседки.

– Все потому, что больно баловала Надежда свою девку, – вынесла она суровый вердикт. – Потакала всем ее прихотям. У той еще молоко на губах не обсохло, а она уж с парнями обнимается – прямо во дворе! Усядутся на скамеечку и воркуют, что твои голубки... Срам! Я говорила Надежде: гляди, как бы она тебе в подоле не принесла. Хоть в этом повезло ей, горемычной. Улька в учебу ударилась, целыми днями то в университете пропадала, то к занятиям готовилась, а парня своего прогнала, одна осталась. Потом-то закончила, диплом получила, а счастье свое поморгала. До сих пор безмужняя ходит. Надежда сильно переживала за нее – позовет, бывало, меня на чай, и давай душу изливать. Несчастливые, говорит, мы, Бояриновы: что у меня судьба не сложилась, что у дочери. Ей уж скоро тридцать, а жениха все нет и нет. И с работой не клеится... Очень она у меня своенравная выросла, гордая. Таких не любят.

Астра сделала несколько фотографий словоохотливой старушки. Та достала из лаковой шкатулки ордена и медали, стала показывать, сопровождая каждую награду драматической историей.

– Кто еще давно проживает в вашем доме? – вскользь поинтересовалась гостя. – Я бы их тоже сфотографировала.

– Нету больше никого... Подруга моя, Зинаида, скончалась три года назад, другие тоже умерли, остальные разъехались кто куда. Из старых жильцов в нашем подъезде только я, Трошкины да Ульяна. Только какие Трошкины ветераны? Им еще до пенсии далеко. Они ничего не застали, ни войны, ни разрухи послевоенной.

– Я бы с ними все-таки побеседовала.

– Сейчас не получится, – ревниво поджала губы старушка. – На работе они, а сын в школе. Ты, дочка, зря время потеряешь. Чего Трошкины расскажут-то? Как соседей залили? Как ихняя собака Сеньку со второго этажа покусала?

Она ни словом не обмолвилась о странностях в поведении Ульяны. Выходит, та не вызывала у старожилки никаких подозрений.

– Жаль, что Надежда Бояринова умерла. Она, наверное, могла бы поделиться интересными воспоминаниями! – «огорчилась» Астра.

– Да, жалко Надю... Болела она в последнее время, почти не выходила из квартиры. Похороны были скромные, едва десяток людей набралось. Несколько соседей, остальные незнакомые – бывшие друзья Надежды, видать. Ульяна плакала, аж опухла вся. Дошло до нее, что такое без матери-то остаться! До сей поры не в себе будто...

– Что значит, «не в себе»?

Антонина Федоровна долго думала, прихлебывая чай.

– Как в облаках витает, не видит никого. Если поздороваешься, ответит, а не поздороваешься... После похорон она даже внешне изменилась, – похудела, осунулась, волосы подстригла. У нее были длинные, а теперь до плеч и собранные в узел.

– У нее есть подруги?

– Улька всегда была замкнутая, себе на уме. Кажется, ей и не нужен никто. Я имею в виду, с девчонками она не водилась. Выйдет во двор гулять и бродит кругами, то в одну сторону, то

в другую. Кошку подберет приبلудную и шепчет ей что-то – разговаривает. В школе, правда, хорошо училась, в университет поступила. А подруг как не было, так и нет.

– А мужчины? Есть у нее кто-нибудь?

– Она рано начала с парнями любовь крутить, – неодобрительно покачала головой старушка. – Говорю же, сядут на лавочку и обнимаются, бесстыжие! Мало ли, чем еще занимались? Может, и переспали. А потом разошлись, как в море корабли. Видно, Надежда крепко за дочку взялась, держала ее в ежовых рукавицах, чтобы больше ни с кем ни-ни! Или та сама одумалась. Я ведь подробностей не знаю... Вдруг Ульке пришлось аборт делать? В жизни всякое бывает. Только с того времени я ее ни с кем не видала. Надежда уж и не рада была. Не хочу, говорит, чтобы дочь по моим стопам пошла. А куда денешься-то?

– Значит, Ульяна совсем одна?

– Вроде бы так. Но вот что я заметила. У нее обновки стали появляться! Откуда, спрашивается? То пальтишко новое, то сумка, то платье. У меня глаз-алмаз. Я Улькин гардероб наперечет знаю. Вещи она покупает скромные, неказистые. А тут вдруг такой шик! Нигде постоянно не работает, денег нет, а за квартиру платит исправно, одевается хорошо, на продуктах не экономит – набирает все, что приглянется. Мы же в одном супермаркете отовариваемся, во-он, за углом, у остановки. Еще она дверь поменяла – старую деревянную на бронированную.

– Многие журналисты неплохо зарабатывают, – сказала Астра.

– Это Ульяна-то журналистка? Да она дома сидит целыми днями или по городу шатается... Я как в поликлинику еду на процедуры, так и вижу из троллейбуса, – шагает она по улице, витрины разглядывает! Журналистка...

– Статьи можно писать дома. А потом отсылать в разные издания.

– Нет, – строго произнесла Антонина Федоровна. – Если она раньше и писала, то после смерти матери совсем от рук отбилась. Я думаю, уж не на панели ли промышляет девка? Все на то указывает. И обновки, и... все!

Она наклонилась и понизила голос:

– Уже несколько раз в наш двор незнакомая машина приезжает и стоит подолгу... Не иначе, кавалер Ульку поджидает. Машина темно-зеленая, блестящая, новая... уйму деньжищ стоит! Я когда из окна выгляну, когда во дворе гуляю – и вижу: опять прикатил. Пару раз Улька к нему подсаживалась, и они уезжали. Ясно, куда! В гостиницу или к нему домой...

Старушка подробно описала автомобиль господина Тарханина. Она даже номер запомнила.

– А с кем-нибудь из соседей Ульяна поддерживает отношения?

Бывшая санитарка склонила голову набок и уставилась на гостью проницательным взглядом:

– Что ты все про нее расспрашиваешь? Может, неспроста сюда явилась? Не дворы фотографировать, а про Ульку разузнавать?

Астра предусмотрела такой поворот и «вынуждена была признаться», что она действительно интересуется Ульяной Бояриновой.

– Значит, моего портрета на выставке не будет? – разочарованно протянула старушка. – И ремонта нам в подъезде не сделают?

– Почему же не сделают? Снимки я вам принесу, а вы их приложите к жалобе, которую напишете на нерадивых коммунальщиков. А в конце обязательно укажите, что вы ветеран войны и перечислите свои награды.

Антонина Федоровна оживилась. Она долго выпытывала, кому лучше адресовать жалобу – градоначальнику или самому президенту.

Чай остыл. Астра собралась уходить.

– Засиделась я у вас. Пора и честь знать. Спасибо за помощь...

– Ты, случайно, не жена этого... который на машине приезжает? – хитро прищурилась старушка.

– Я его сестра и действительно работаю корреспондентом в газете. Вот решила выяснить, с кем мой брат проводит время. Не нравится мне все это!

– Правильно! Улька хорошему мужику – не пара. Странная она какая-то, непонятная. Никогда не остановится, не поговорит по душам, не спросит, как у меня дела. А ведь я ее сизмальства знаю, сопливой девчонкой по двору бегала... После похорон матери Ульяна окончательно от всех отгородилась. Едва глаза поднимает при встрече. И все торопится, торопится, будто опаздывает куда-то...

– Можно, я еще приду? – спросила Астра. – Только вы обо мне никому не говорите. Брат узнает – рассердится, обидится. Он очень ранимый.

Старушка с видом заговорщицы кивнула:

– Я умею хранить тайны...

* * *

Игорь Тарханин не испытывал недостатка в женском внимании. Ему ничего не стоило завести знакомство, закрутить любовную интрижку с какой-нибудь молодой девушкой – в ночном клубе, например, или на вечеринке, куда его наперебой приглашали друзья-приятели. Некоторые даже брались его сватать. Он был завидным женихом – свободным, привлекательной наружности и при должности. Перспективным, как теперь принято говорить.

С женой Игорь расстался без сожалений. Она прекратила попытки к примирению, когда поняла, что он непоколебим, и пустилась в поиски нового претендента на руку и сердце. Ее не обремененная мыслями ветреная головка нуждалась в надежном плече, куда ее можно было бы приклонить. Миниатюрность, белые кудряшки и пронзительный голос жены ассоциировались у Тарханина с болонкой. Даже имя Людмила она переделала на «собачий» манер, – Люси. После развода Люси сделала себе операцию по увеличению груди, так как решила, что муж бросил ее по причине недостаточно пышных форм.

Она и помыслить не могла, в чем кроется истинный повод. Далекий от сантиментов, прагматичный Тарханин не может забыть свою первую любовь! Если бы кто-то сообщил об этом Люси, на ту напал бы истерический хохот. Слово «любовь» существовало в ее лексиконе исключительно потому, что нравилось мужчинам. Они хотели любви, а Люси могла предложить им только хороший секс.

– Чем ты недоволен? – искренне недоумевала она, когда муж объявил о разводе. – Я тебе не изменяла, клянусь! Я хоть раз отказала тебе в постели?

– Ты слишком много тратишь денег, – брякнул он, только чтобы она отстала. – Ты транжира, Люси. И плохая собеседница. Я со скуки умираю, слушая твои бредни. Квартира завалена твоими тряпками, косметикой и глянцевыми журналами. Примитивизм выходит из моды, детка! Мне пора позаботиться о своем имидже. Вдруг, я решу баллотироваться в парламент?

Он внутренне заливался смехом. Жена смотрела на него, хлопая длинными накрашенными ресницами. При слове *парламент* она зевнула, прикрыв алые губки тонкими пальчиками.

– Ты белоручка! – добавил Игорь. – Меня тошнит от твоей ежедневной яичницы!

Он бил без промаха. Люси краснела, бледнела, снова краснела... Зато он наслаждался ее удрученным видом. Еще бы, такой жирный карась сорвался с крючка! Впору волосы на себе рвать.

Когда Люси съехала, он вздохнул с облегчением. И уже на следующий день забыл о ней. Пришлось отдать ей однокомнатную квартиру в Химках, где он держал жильцов, – за глупость надо платить.

Отделавшись от Люси, Тарханин почувствовал себя помолодевшим и полным сил. Она здорово тянула из него соки. Находиться изо дня в день рядом с чужим человеком, оказыва-ется, утомительно – будто нести в гору ненужный груз.

Окружающие наперебой начали предлагать Тарханину знакомства с женщинами, в том числе и родители. Мама несколько раз заговаривала о «девочке из хорошей семьи».

– Я не хочу жениться! – отмахивался он. – Мне хватило Люси. Я сыт по горло семейной жизнью!

Это была правда. Он не помышлял о семье, он мечтал об Уле, о тех теплых весенних днях, когда они гуляли до темноты, забросив учебники, не думая об экзаменах. Та сирень, залитая лунным светом, которую он ломал для нее, те первые сладкие поцелуи на лавочке в ее дворе, вопреки всему запали ему в душу, отравили всю его жизнь...

Возвращаясь к Уле, он возвращался к самому себе. Он еще не знал, что не существует обратного пути.

Новая Ульяна, с которой начал встречаться Тарханин, все меньше напоминала ему девушку его юности. Впрочем, их отношения скорее походили на пробные шаги. Он пытался вызвать в ней ностальгию по прошлому, она вяло сопротивлялась. Вот и сегодня она наотрез отказалась пригласить его к себе на чашку чая.

– У меня не убрано, – отнекивалась она.

– Давай сходим в кафе, – настаивал он. – Поужинаем. Я голодный, как волк.

– А я на диете...

– Закажем что-нибудь диетическое, – неуклюже шутил Тарханин.

Он вышел из машины и загораживал ей дорогу к подъезду. Уля стояла, поглядывая по сторонам. Она избегала смотреть ему в лицо, в глаза. Одета в легкое летнее платье, она продрогла.

– Возьми мой пиджак...

– Нет, спасибо! Я лучше пойду.

– Раньше ты не могла меня пригласить домой из-за матери. А сейчас?

– Что было, то прошло. Где ты был все эти годы, когда мы с мамой перебивались на гроши? Потом она болела, а я работала с утра до ночи, чтобы покупать лекарства и платить врачам. Потом она умерла... Уходи, Игорь, оставь меня в покое...

– Я не виноват в смерти Надежды Порфирьевны.

– Куда ты пропал после выпуска? Я ждала, что мы вместе будем поступать в университет, что ты сможешь мне готовиться...

– Ты не захотела стать моей женой. Почему?

– Мы оба были детьми, Игорь! Что тебе мешало просто любить?

Он растерянно молчал. Та Уля не имела привычки упрекать его в чем-либо. Возможно, он не давал повода. Тогда все было проще.

Темнело. Собирался дождь. В сыром воздухе пахло мятой. Этот аромат шел от Ули – в ее карманах, вероятно, полно мятных конфет. Впрочем, у нее нет карманов.

Тарханин отметил, что ее стильные босоножки и сумочка одного цвета, из мягкой кожи, – он знал, сколько стоят такие вещи. Видимо, статьи, которые она пишет, пользуются спросом и хорошо оплачиваются.

«Это она! – думал Тарханин, глядя на ее талию, обтянутую желтым шелком платья. – Напрасно я сомневался. Или не она? Неужели я схожу с ума? Не похоже... Я по-прежнему прекрасно справляюсь с работой, нормально общаюсь с людьми, решаю вопросы. Все мы – пешки в руках времени. За четырнадцать лет я сам стал другим. Меня не узнать!»

Первые капли дождя падали на асфальт, оставляя темные пятна, шумели в листьях старых лип. Порыв ветра растрепал волосы Ули.

– Мне холодно, Игорь, – сказала она. – Да и ты промокнешь... Пока!

Она повернулась и быстрой походкой направилась к подъезду.

Он смотрел ей вслед, пока она не исчезла за дверью. В окне первого этажа колыхнулась занавеска, мелькнуло лицо старухи...

Тарханин, ощущая на себе пристальный взгляд, сел в машину и завел двигатель...

Глава 5

Суздаль, XVII век

Покровский женский монастырь

День за днем проходила перед старицей Ольгой вся ее жизнь. Беззаботное детство, сладостная юность, тревожное ожидание замужества...

Жарко, истово молилась царица Ксения в Троицкой обители, просила себе любви, счастья с молодым герцогом Иоанном. Гнала прочь дурные мысли, ночные страхи. Потеряла сон... Едва сомкнет веки – разверзается перед нею бездна, куда она стремительно падает... летит, летит... и нет той бездне конца и края. Кто-то невидимый злобно хохочет, вещает скрипучим голосом: «Высоко вознеслась, голубица... больно падать будет! Не свадьба у тебя впереди, – срам и бесчестие! Беду привез на своем корабле твой суженый, обручился он не с

тобой – со смертью безглазой. Плачь, царица, пока все слезы не выплачешь! А когда выплачешь, вырвешь от горя свои черные косы, расцарапаешь нежные щеки...»

– Господи! – в ужасе шептала царская дочь. – Почто караешь? В чем моя вина?

Преданная мамка, которая всюду сопровождала Ксению, успокаивала.

– Какие у тебя грехи, дитя? Чиста ты перед Богом и телом, и помыслами.

– А гордыня? – рыдала Ксения. – Разве батюшка мой не тем же грешен?

Мамка испуганно озиралась: не колыхнется ли парчовая занавесь, не скрипнет ли дверь? Доносчиком мог оказаться кто угодно: и постельница⁷, и простая прислужница.

– Тише, тише...

– Я завет нарушила, повидалась с женихом до венца, – стуча зубами от нервного озноба, призналась Ксения. – Лицо свое ему открыла. Поклялись мы друг другу в верности навеки...

Мамка затрясла рогатой кикой⁸, запричитала.

– Нельзя было! – сокрушалась она. – Кто ж тебя надоумил?

– Сама... сама! Не утерпела.

Царица прижала руки к груди, так забило сердце при воспоминании о тайной встрече. Датский принц был изящен, воспитан в европейском духе, по-русски знал всего пять слов, но у любви – свой язык, понятный лишь двоим. По тому, как засияли его глаза, дрогнули красивые губы, Ксения догадалась, что вызвала у нареченного ответное чувство.

– Мы созданы один для другого, мамушка...

Старуха прижала ее к себе, как в детстве, глядя по густым шелковистым волосам.

– Даст Бог, сыграем свадьбу! Уж я меду напьюся досыта. А ты спи, спи...

Она запела колыбельную, коей убаюкивала маленькую Ксению, и та сладко вздохнула, закрыла темные очи. Ишь, брови-то соболы, ресницы в полщеки, губы алые, будто спелые вишни. Как же красу такую не полюбить, яблочком наливным не соблазниться? Сказывают, иноземки сухи, желты и корявы, волос не моют, в мыльню не ходят...

Мамка уложила царицу, подлила маслица в лампаду, опустила на колени и давай бить поклоны, молить Богородицу о заступничестве, просить счастья для своей любимицы.

В полночь Ксения проснулась, вскочила, потребовала зажечь свечи. Во сне ей привиделся диавол в царском обличье. Кто то был, она не узнала. Московский люд и бояре поклонялись сему диаволу, а царицу отдали ему на растерзание. «Ежели жить хочешь, покорись!» – шептал скрипучий голос. И стоял в палатах запах серы, дыма и крови...

– Они все м-мервтые... – бормотала Ксения. – Мертвые...

– Кто? – наклонилась над нею мамка.

– Батюшка... матушка... и б-братец...

Забегали прислужницы, принесли святой воды, кинулись окроплять все углы, и кровать, и перину с подушками, и саму прелестную боярышню.

– Никак порчу кто навел, – бубнила мамка, вздрагивая от каждого шороха. – Не уберегли голубицу! Ох, горе нам! Горе!

Наутро царь Борис приказал собираться в обратный путь, в Москву. Ехали медленно. То и дело пускался дождь. Ветер срывал с бояр и стрельцов шапки. Деревья стояли наполовину голые, унылые. Дорожные колеи развезло. Из-под колес летела жидкая грязь, возки приходилось вытаскивать из колдобин вручную. Хрипло кричали возничие, громко ржали лошади. Рыжие поля вокруг деревень мокли под дождем, крестьяне боязливо смотрели с обочин на царский поезд...

Ксения всю дорогу плакала, изнемогая от тоски. Царица Марья страдала головной болью, ее растрясло, она едва дышала. Бориса снедало беспокойство. Вся семья словно пред-

⁷ Постельница – придворная должность в допетровской Руси.

⁸ Кика – старинный женский головной убор, разновидность платка, повитого вокруг головы.

чувствовала недоброе. К вечеру из Москвы прискакал гонец, доложил о внезапной болезни герцога.

– Зело опасен недуг? – всполошился Борис.

– Врачи уверяют, что болезнь излечима. Королевич «неосторожно нарушил пределы воздержания и умеренности». Ежедневно доставляемые из дворца кушанья прилежно отведывал, вот и захворал.

Об этом писал и сам Иоанн в своем послании нареченному тестю. Однако царя это не утешило. Он пока ничего не говорил дочери, не желая расстраивать ее ранние времена.

Теперь процессия ехала почти без остановок, не взирая на непогоду. По прибытии в столицу, Борис собрал на совет лучших врачей, в том числе и прибывших с дружиной жениха. Те в один голос клятвенно заверяли: есть средства, способные вернуть герцогу пошатнувшееся здоровье.

Вопреки надеждам, Иоанну становилось все хуже. Болезнь без видимых причин «принимала более и более злоеций характер», и когда царь, взяв с собою патриарха и ближайших бояр, решился провести будущего зятя, тот уже никого не узнавал и не мог говорить. «С ним сделалась сильнейшая горячка».

Напрасно царь давал обеты и сулил за спасение королевича «великия милости». Напрасно молились царица Марья и царевна Ксения. Высокородный жених скончался, несмотря на все усилия врачей и аптекарского приказа. Царю донесли об этом ночью, сразу, как свершилось прискорбное событие. Ксения, услышав горькую весть, лишилась чувств...

– Сглазили мою ягодку, – причитала мамка. – Сие порча и колдовское заклятие! Наговор!

По Москве поползли слухи, что королевича отравили. Некоторые указывали на князя Белосельского, который не скрывал своей страсти к дочери царя Бориса. Иные подозревали самого Годунова, который-де возревновал будущего зятя, быстро снискавшего народную любовь, и поспешил избавиться от него.

Ксения была безутешна. Бояре тишком прозвали ее «вдовствующей невестой», переглядывались, шушукались. Она заперлась в кремлевских палатах, никого к себе не допускала, кроме мамки.

Однажды старуха сообщила царевне, что ее желает видеть придворный из свиты почившего герцога Иоанна. У него, мол, поручение от господина.

Ксения тотчас же накинула шубу и, никем не замеченная, выскользнула из дворца. Каблуки сафьяновых сапожек с хрустом проламывали лед. В ночном воздухе летали белые мухи. Темноту освещал смоляной факел, прикрепленный к стене...

– Царевна, – на ломаном русском произнес мужской голос. – Ты ли это?

– Я...

Она показала кольцо, подаренное Иоанном, с его вензелем.

Человек, укутанный в теплый плащ, вытащил из-под полы шитый серебром кожаный мешочек.

– Возьми. Велено тебе передать от королевича. Он когда слег, но был еще в памяти, попросил...

Ксения, затаив дыхание, подошла ближе. Она, презрев приличия, осмелилась без ведома родителей и охраны покинуть дворец, встретиться с иноземцем, говорить с ним! Ее поведение неслыханно. Батюшка будет недоволен.

Человек в плаще прошептал ей на ухо несколько слов. Мешочек перекочевал из его обветренной руки в нежную белую ручку царской дочери. Ксения половину из услышанного не поняла – посланец плохо изъяснялся на языке москвитов. Она с трудом уловила смысл. В мешочке – военный трофей Иоанна, который был отозван королем Дании прямо с поля боя. Покинув баталию, принц направился к невесте, трофей захватил с собой. Чувствуя приближение

смерти, Иоанн не нашел, кому доверить мешочек, и поручил передать его Ксении. Она одна в чужой Московии стала ему роднее всех...

– Сохрани это, царевна, – добавил датчанин. – Спрячь подальше. Так, чтобы никто не нашел. Герцог вернется за трофеем...

– Вернется?

Из глаз Ксении покатились слезы. Она укрыла мешочек под меховой шубой. Посланец растворился в ночи, словно бестелесный призрак...

** * **

Москва. Наше время

Венецианское зеркало было овальным, в раме из бронзового багета, украшенной завитками. От этих завитков рябило в глазах.

– Все, не могу больше...

Астра встала и прошлась по комнате, разминая затекшее тело. Десяток свечей догорали на столе, в воздухе стоял сизоватый туман и запах крашеного парафина.

– Фу! Хоть топор вешай, – ворчал Матвей. – Неужели, у тебя голова не болит от этого чада?

– Болит... только по другой причине. Два часа прошло, а она молчит.

Астра имела в виду женщину-двойника, которая жила в зеркале.

– Что ты хочешь у нее узнать? С чего начинать расследование?

– Я уже его начала...

Было около десяти вечера. Матвей только-только приехал с тренировки и с порога почувствовал дым. Бросив в кухне пакеты с едой, он ринулся в гостиную открывать окно. Если в квартире Астры горят свечи, значит, она проводит *сеанс с зеркалом*. Такой особый вид гадания, при котором она задает вопросы собственному отражению, принимая его за мифического двойника.

Зеркало, бесспорно, интересное – сделанное неизвестно кем и когда, с золотистой амальгамой, с надписью латинскими буквами на обратной стороне: ALRUNA, что означает *сокровенное, тайное*. Если долго вглядываться, поверхность мутнела, в ее глубине словно клубился желтоватый туман. А дальше вступала в игру фантазия Астры...

– Мы с Улей почти ровесницы, – выпалила она. – Я должна понимать ее. Вот я и решила пройтись по ее улице, посидеть в ее дворе – представить себе ее жизнь, день за днем, год за годом...

– Почему ты мне не позвонила? Ты же обещала, что без меня туда ни ногой! Мало ли, что за птица эта Ульяна Бояринова? Ее бывший одноклассник произвел на меня двойное впечатление. Я бы ему не доверял...

– В жизни все имеет две стороны. Если я смотрю в зеркало, то и оттуда смотрят на меня. Астра любую тему могла свести к парадоксу.

– К чему ты приплела зеркало, скажи на милость? – вспыхнул Матвей.

– А к тому, что не только я разглядывала двор и дом Ульяны, но и меня разглядывали... У него пересохло в горле.

– Кто?

– Испугался? – усмехнулась она. – Правильно. Нам предстоит очень опасное и запутанное дело. Все в нем наполовину реальное, наполовину придуманное... И люди, и слова, и события...

Он подумал, что их с Астрой отношения тоже какие-то нереальные... с двойным дном. Любовными не назовешь, дружескими – тем более.

– Не морочь мне голову! Ты звонила Борисову?

– Конечно.

Борисов много лет работал у ее отца начальником службы безопасности. Астра, можно сказать, выросла у него на глазах, и он по-отечески опекал ее. У Борисова были связи в правоохранительных органах, в криминальной среде, в деловых кругах – он мог добыть любую информацию. В одном случае он покупал необходимые сведения, в другом – налаживал равноценный обмен.

– Ну, что он сказал? – нетерпеливо спросил Матвей. – Эта Ульяна Бояринова та, за кого себя выдает?

– Никаких подтверждений обратному Николай Семенович не нашел. Она действительно родилась и выросла в Москве, живет по месту регистрации, то бишь в квартире, которая после смерти матери перешла в ее собственность. Действительно окончила факультет журналистики МГУ, замужем не была, ни в чем подозрительным не замечена, ни по каким гражданским или уголовным делам не привлекалась... Официально нигде не работает, пишет статьи и самостоятельно рассылает их по Интернету в газеты и журналы. Тем и кормится. Других средств к существованию у нее вроде бы нет...

– Вроде бы?

– Соседи, проживающие этажом выше, – некие Трошкины, – заметили, что Бояринова стала модно и дорого одеваться. Вероятно, у нее появился мужчина.

– Откуда им это известно?

– Они знают Ульяну не первый год, в отличие от новых жильцов, и помнят ее скромный гардероб. Ее мать, Надежда Порфирьевна, едва сводила концы с концами.

Несколько свечей догорело, остатки фитильков с шипением гасли в оплывшем парафине. С улицы через оконную сетку пробивались в комнату крохотные ночные насекомые.

– Послушай, а эти Трошкины не доложат Ульяне, что ею кто-то интересуется? Тарханин поставил условие...

– Я помню. Ульяна ничего не узнает. Я строго предупредила Борисова. Да он сам с усами. Не первый раз нам помогает. Наверняка, с Трошкиными побеседовали под достоверным предлогом.

– А ее паспорт кто-нибудь видел?

– С паспортом все в порядке. К Ульяне заходил человек под видом сотрудника избирательной комиссии. Предъявил удостоверение, сказал, что идет обновление списков. Просьба показать документ не вызвала у нее ни паники, ни замешательства.

– Надеюсь, к остальным жильцам он тоже заходил?

– А как же! Кстати, она не торопилась открывать дверь – ждала, пока на площадку выйдут соседи.

– Осторожная дама...

– При нынешнем уровне квартирных краж и мошенничества Бояринова поступила правильно. Я кому попало никогда не открываю.

– Значит, либо Тарханин ошибся, либо сознательно ввел нас в заблуждение.

– Получается, так.

Матвей ощутил приступ голода и вспомнил, что не ел с самого утра. По дороге из «Вымпела» он накупил кучу еды.

– Ты ужинала?

– Я же тебя ждала!

– Давай, туши свечи, а я пошел на кухню...

За ужином Астра рассказала, что ей удалось выведать у болтливой любопытной старушки Антонины Федоровны.

– Мне повезло. Бабулька, которая сидела на лавочке под липой, оказалась именно той, что была мне нужна. Во-первых, она живет в одном подъезде с Ульяной – на первом этаже; во-вторых, целыми днями либо торчит у окна, либо дышит свежим воздухом во дворе. И все подмечает.

– Она видела Тарханина?

– Во всяком случае, его машину она описала довольно подробно и номер запомнила.

– Сколько ей лет?

– За восемьдесят, но бодра, не потеряла вкуса к жизни, и память у нее сохранилась – дай бог каждому.

– А зрение?

– Она обходится без очков. Если только для чтения пользуется. Точно не скажу.

– Наверное, возрастная дальнозоркость! – засмеялся Матвей. – У бабушки осталось не так много развлечений, и наблюдать за соседями – основное. Что ж, отлично.

– Я завела с ней знакомство... Напросилась еще раз в гости. После моих вопросов она глаз с Ульяны не спустит.

Астра рассказала о чаепитии и беседе с бывшей санитаркой.

– По моему мнению, Антонина Федоровна ни о какой «подмене» Ульяны ни сном, ни духом. Соседка кажется ей странной, что неудивительно. Любой, чье поведение не соответствует общепринятым меркам, вызывает у людей настороженное внимание. Меня тоже многие считают странной!

«Разве это не так? – подумал Матвей. – Мы оба по-своему странные. И чувства, которые нас связывают, были бы непонятны окружающим. Да и я сам не понимаю себя до конца...»

Вслух он принялся рассуждать о другом: как действовать дальше. Вести разговоры об Ульяне с жильцами дома больше нельзя.

– После Борисова и тебя, дорогая, кто-нибудь из них смекнет, что дело нечисто, и проболтается. Мы нарушим обещание, данное клиенту. Его бывшая одноклассница не должна ничего заподозрить. Пустые разговоры ничего не дадут. Надо бы проследить за этой барышней: куда она ходит, с кем общается, откуда берет деньги на новые шмотки... Не с неба же они валятся?

– Ну, допустим, Ульяна получает их по карточке в банкомате.

– Гонорары за статьи?

– Ты же не знаешь, о чем она пишет!

– Гораздо интереснее, где она берет материал для статей. Не на улице же? Вдруг, дама промышляет шантажом?

– Я бы не прочь заглянуть в ее компьютер... – мечтательно произнесла Астра. – Если бы Тарханин увез Ульяну в какой-нибудь ресторан и продержал там хотя бы час, мы бы скинули содержимое машины на флешку и...

Матвей решительно возразил:

– Предлагаешь забраться в чужую квартиру без ведома хозяйки? Это взлом... Я против! К тому же, на компьютере наверняка установлен пароль...

– Жаль, что мы с тобой не хакеры.

– Хочешь ввязаться в неприятности?

Воодушевление, охватившее Астру, угасло. Она высказала банальную мысль о сестрах-близнецах и сама же ее опровергла. Чтобы сестра-близнец, о которой не было слышно долгие годы, заняла место Ульяны, нужны повод и смысл.

– И серьезная подготовка, – подтвердил ее сомнения Матвей. – Женщина, выдающая себя за Ульяну, должна иметь представление о ее привычках и образе жизни.

– Может, поискать ее отца?

Астру одолевали плохие предчувствия – поиски отца таинственной Ульяны казались бесполезной тратой времени.

– Кого-то убьют, чувствует мое сердце... – пробормотала она.

* * *

Ту ночь, когда она напилась в клубе «Мустанг», Люси помнила смутно. Крепыш Марк доставил ее домой, уложил в постель и... уехал. Она провалилась в сон, полный кошмаров. Утром, заглянув в зеркало, Люси ужаснулась. Ее маленькое личико, обрамленное спутанными кудряшками, было помятым и опухшим, под глазами образовались сизые мешки.

– Что за гадость мне подсунули? – простонала она, прикладывая ко лбу холодный компресс. – Бр-ррр-р!

Люси пила мало, потому что ее организм совершенно не выносил алкоголя – она быстро пьянела и отключалась. Даже бокал шампанского ударял ей в голову.

– Боже... – причитала она, прислушиваясь к ноющей боли в темени. – Как же мне плохо...

Если бы не Марк, она не рискнула бы попробовать фирменный коктейль, о котором была немало наслышана. Да и цена «кусалась». Но когда платит мужчина, грех отказываться. К тому же Марк мог обидеться, и знакомство не имело бы продолжения. Он ей приглянулся – такой вежливый, сильный, надежный и при деньгах.

«Всадник без головы» оправдал свое название. Люси очухалась только к вечеру, проклиная свою безрассудную страсть к острым ощущениям. Знаешь, что нельзя пить, – повесь на рот замок и терпи.

Она поужинала омлетом и улеглась у телевизора. Попытки вспомнить, обещал ли Марк позвонить, ни к чему не привели. Но Люси все-таки ждала звонка. Неужели, она не сумела заинтересовать крепыша? Было бы жаль...

Он не позвонил. Разочарованная Люси успокаивала себя тем, что Марк просто решил не торопить события.

На следующий день она отправилась в салон красоты, приводить в порядок свой основной «капитал» – внешность. Роясь в сумочке, она наткнулась на визитку Марка с косой надписью на обратной стороне: «Захочешь – позвони!» Лаконично и прямо. Он передавал инициативу ей – быть или не быть развитию отношений. Видимо, Марк сунул визитку в сумочку, когда уходил...

Конечно же, быть! Люси едва дотянула до вечера, чтобы не показаться навязчивой. Замужество не прошло для нее даром. Кое-какие навыки хорошего тона она успела перенять у бывшего супруга. Может, попросить у него денег на операцию по уменьшению носа? При ее мелких чертах лица, нос кажется великоватым.

– Он мне должен, в конце концов! – прошептала Люси, нанося на кожу освежающую маску. – Он сломал мне жизнь...

От жалости к себе она прослезилась. И набрала номер Тарханина.

– Люси? – удивился тот. – Что-то случилось?

– Мне нужны деньги, – с ходу заявила она. – На операцию.

– Ты заболела?

В его голосе прозвучал откровенный сарказм. Ему было отлично известно название этой «болезни» – одержимость выгодным браком. Люси нуждалась в надежном мужском плече и тугом кошельке – второе даже важнее. Тех денег, что он перевел ей на счет, катастрофически не хватало.

Честно говоря, Люси немного побаивалась Тарханина. Он на многое способен. Не будь этого страха, она бы потребовала при разводе куда больше, чем однокомнатная квартира в Химках и те гроши, которые он по-барски «отстегнул» ей.

– Не жадничай, Игорь... – обиженно протянула она. – Я тебя выручила, а ты...

– ... расплатился с лихвой! – закончил он фразу по-своему. – У тебя что, есть претензии?

– Нет, но... Бог велел делиться...

– Что на сей раз будешь переделывать? Ноги удлинять?

– Мне нужна коррекция носа, – пропищала Люси. – И, возможно, подтяжка.

– Какая подтяжка в двадцать четыре года? – взвился Тарханин. – Ты в своем уме?

– Я не хочу остаться одна из-за мелких дефектов, которые можно убрать...

– Самый серьезный твой дефект неизлечим, – вздохнул бывший муж. – Это глупость, милая. Тут даже трепанация черепа бессильна.

– Как ты смеешь оскорблять меня? – захныкала Люси. – Сам бросил и еще издеваешься... Не надо было жениться на дурочке!

– Ты права...

– Дай денег, Игорь, от этого зависит моя судьба...

– Никак на твоём горизонте появился жених? – осенило его. – Приятно слышать. Рад за тебя!

– Дашь денег или нет?

– Все деньги в обороте, – терпеливо объяснил он. – Ни одного лишнего рубля изымать отчим не позволит. Ты же знаешь, бизнес ведет он.

– Но деньги-то твои! – не унималась Люси. – Нету рублей, дай «зелени»!

– Ты и без операций прекрасна, детка. Зачем тебе лишний раз ложиться под нож хирурга? Побереги здоровье.

Она помолчала, осмысливая услышанное.

– Это угроза?

– Помилуй, солнышко. Исключительно забота!

– Знаю я твою заботу...

Люси в сердцах бросила мобильник на диван. Он зазвонил – пора было смывать маску.

– Жадина, – выкрикнула она в потолок. – Чертов скупердяй! Ну и плевать...

Покончив с косметическими процедурами, Люси набрала номер нового знакомого. На визитке было написано: Брагинский Марк Александрович, брокер. Последнее слово привело ее в замешательство.

– Слушаю вас, – сразу отозвался он.

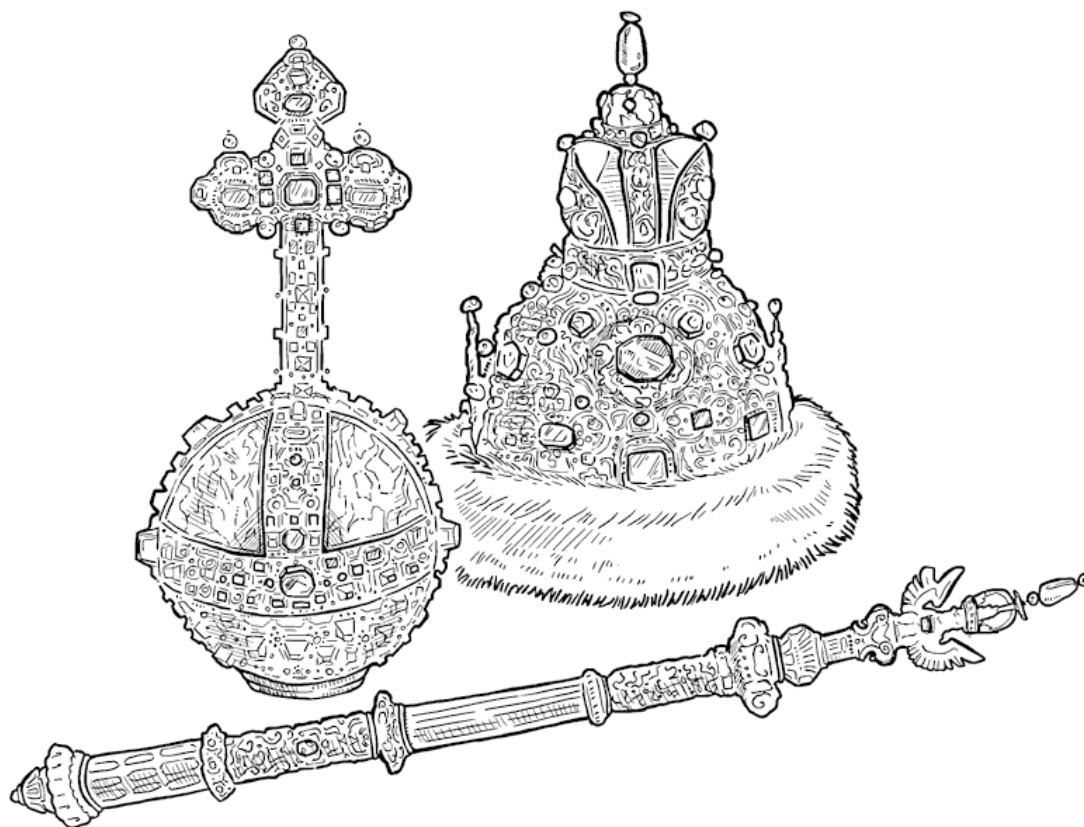
– Это я, Люси...

– Ах, Люси! Я мечтал о вашем звонке...

Глава 6

Суздаль, XVII век

Покровский женский монастырь

На исходе лета 1622 года старица Ольга совсем ослабела. Она с трудом поднималась с ложа, долго молилась у образов в углу кельи, потом садилась к окошку и глядела во двор монастыря. Мимо ходили сестры в черных покрывалах, чуть в отдалении белели березы. В листьях уже пробивалась желтизна. Волосы Ольги тоже рано побелели от пережитого. Чем ближе подкрадывалась к ней смерть, тем чаще она ощущала себя не стареющей инокиней, а пленительной и гордой принцессой, рожденной царствовать. Ее имя – Ксения Годунова...

Она все помнила до мелочей – и внезапную кончину любимого батюшки, и страшные дни смуты, и то, как на ее глазах удавили брата Федора и матушку... Ксению самозванец велел пощадить, «дабы ему лепоты ея насладиться еже и бысть»...

Вот он, диавол в царском обличье, беглый монах-расстрига Гришка Отрепьев, холоп из холопов, который при помощи польских сабель и колдовского ухищрения уселся на царский трон и стал править на Москве! Всех одурачил, опутал своими чарами – и польского короля, и русских бояр, и народ, и мать убиенного в Угличе царевича Дмитрия, коим назвался. «Неведомо каким вражьим наветом прельстил царицу и сказал ей воровство свое. И она ему дала крест злат с мощьми и каменiem драгим сына своего, благоверного царевича».

Инокня Марфа – бывшая царица Мария Нагая – прилюдно признала шельму своим родным сыном! «Новый царь» въехал в столицу верхом, в раззолоченной одежде. Самозванца

сопровождали польские всадники, бояре и окольные⁹. По обеим сторонам дороги толпились москвичи – приветственные крики заглушали перезвон колоколов.

Ксенин казалось, она вот-вот проснется, и рассеется жуткий сон – исчезнет приземистый уродец, которого с хоругвями и святыми образами ожидали в Кремле архиереи... Но уродец беспрепятственно помолится в Кремлевских соборах, а после лил притворные слезы на гробу «отца своего» – Иоанна Грозного.

Видать, Гришка заключил договор с нечистым, и тот посадил его на царство Московское. Не иначе, как в бесовском тумане присягали воеводы расстриге, сдавали ему города и крепости, а крестьяне и посадские люди встречали его хлебом-солью.

Ксенин заперли в доме князя Рубец-Мосальского, приказали ждать, пока потребует ее к себе «государь»...

– Гляди, не вздумай перечить царю! – строго предупредил ее князь. – Он тебя помиловал, ты ему должна ноги целовать! А станешь противиться, он разгневется, еще убьет тебя ненароком. Силища у него, ух! Не гляди, что мал. Подковы гнет шутики ради!

С улицы доносились крики, шум, стук копыт и выстрелы. Пахло пылью и пороховой гарью. Пьяные шляхтичи бесчинствовали в столице, волокли к себе на потеху молодых эсэици и девишек, грабили богатые дома. Панские гайдуки стреляли в воздух, громили лавки и винные погреба...

Ксения помнила, как обмерла, увидев Дмитрия вблизи. Низкого роста, неуклюжий, с непомерно широкими плечами и короткой «бычьей» шеей, он был безобразен. Одна рука длиннее другой, волосы рыжие, лицо противное, с большими бородавками на лбу и щеке. «Царь» поднял на Ксенин бесцветные водянистые глаза, облизнулся...

Рубец-Мосальский, который привел ее в покои самозванца, поспешил удалиться.

– Иди сюда... – промолвил Дмитрий. – М-мм! И правда, хороша! Не врал людички...

Он был одет в желтую шелковую рубаху, подпоясанию по-московски, штаны и сапоги светлой кожи. Ксения боялась упасть, так онемели ноги.

Что было потом, лучше забыть навсегда...

Старица Ольга трижды перекрестилась и смиренно опустила очи. В монастырских стенах негоже предаваться греховным мыслям. Токмо не вырвать из памяти тех долгих дней и ночей, проведенных в объятиях палача всех ее родных, кособокого чудовища с железной хваткой и бесстыжей ухмылкой... Уж и терзал он ее, и мучил, приговаривая: «Сладка царская кровь... как мед! Сладки чистые уста... Не для меня ли сберегла свое девство, царица?» И хохотал, запрокидывая голову, показывая неровные зубы. Ксения лежала на скомканных простынях ни жива ни мертва, содрогаясь от ужаса и отвращения. А он снова прикидал к ее груди, не целовал – кусал, не ласкал – щипал, мял, заламывал руки, сдавливал шею, пока не захрипит, не застонет. Выдохшись, расплетал ей косы, приказывал стоять посреди опочивальни нагой, едва прикрытой волосами, а сам ходил кругом со свечой, щупал ее тело, причмокивал...

– Чего дрожишь? – спрашивал. – Думаешь, мало дед твой, Малюта Скуратов¹⁰, девок попортил, мало поизмывался над ими? А сколь кровушки дворянской пролил, не сосчитать! Он забавлялся, а тебе платить... Ты проклята! Все вы, Годуновы, прокляты! Зачем я тебя живой оставил, не догадываешься?

– Ты бес! – захлебывалась слезами Ксения. – Бес!

Дмитрий не отпирался, злорадно посмеивался.

⁹ Окольные – в Древней Руси один из высших придворных чинов.

¹⁰ Малюта Скуратов – прозвище Григория Лукьяновича Скуратова-Бельского, приближенного Ивана Грозного. Был главой опричного террора, участвовал во многих убийствах и казнях, отличался крайней жестокостью. Борис Годунов женился на его дочери.

– А ты, дьяволица, разжигаете меня... Из-за твоей красоты я к невесте своей остыл, к ясновельможной панне Марине¹¹.

Больно охоч до женского полу оказался самозванец: приводили к нему и молодых боярских жен, и дочерей, и даже монахинь... Натешившись с ними вдоволь, он неизменно возвращался к Борисовой дочери.

– Присушила ты меня, приворожила, – шептал. – Чертовка! Изголодался я по твоей белой коже, по твоим жарким губам...

Рвал в нетерпении ее вышитую сорочку, наваливался своим коротким тяжелым телом, часто дышал в лицо, обдавая запахом яблочного вина, с животным наслаждением вгрызался в ее плоть... Казалось, не человек он вовсе – демон похотливый, жадный до удовольствий, с силою зверя, со страшным бесцветным взглядом. От этого взгляда Ксения цепенела, теряла всякую волю к сопротивлению, позволяла творить над собою поругание и срам, коих не представлялось ей в самом кошмарном сне...

Очнувшись от наваждения, она не могла понять, как до сих пор не умерла, как продолжает терпеть унижения и позор, подвергая себя насилию ненавистного тирана. Молиться Ксения не могла – уста ее сковывались, а по телу разливалась невыносимая боль. Предоставленная сама себе в запертых снаружи покоях, она бродила от стены к стене, ощущая всю бездну своего падения и взывая о спасении к покинувшему ее жениху. Но тот ее не слышал...

В конце лета, измучив Ксению своей ненасытной страстью, Дмитрий вдруг предложил:

– Хочешь, отпущу тебя, красавица? Денег дам, карету, коней резвых...

– Не верю...

– Опять правы люди, – заложив руки за спину, заявил новый «государь». – Умна ты больно, отроковицей еще славилась «чудным домышлением». Так просто не отпущу. Выкуп потребую. Отдай мне то, что оставил датский принц Иоанн...

Ксения отшатнулась, побледнела.

– Не знаю, об чем говоришь...

– Трепыхнулось сердечко? – ухмыльнулся расстрига. – Ты мне не лги, голубица! Не то перышки вмиг оцитаю!

– Ничего не знаю, – уперлась Ксения.

Круглое лицо самозванца со вздернутым носом побагровело от ярости, но он сдержался, сжал пальцы в кулаки.

– Врешь! Себе надумала дорожку к трону проторить. А нету в тебе истинно царской крови! Ни капельки! Отец твой, Борис, из простых опричников вышел, конюшим¹² служил моему батюшке Иоанну Грозному. Едино по слабомуию брата Федора Иоанновича до власти был допущен. А мать твоя – дочь гнусного злодея – через то в царицы выбилась. Они на мой престол посягнули!

Ксения, стараясь не смотреть ему в глаза, забормотала:

– Ты не сын царя, ты беглый инок, расстрига и вор, Гришка Отрепьев. Колдовством, волхвованием трон занял. Настоящий царевич в Угличе погиб, зарезался по неосторожности. Мамки проглядели! Он в ножички любил играть, а тут приступ падучей болезни случился, вот он и ткнул себя ножиком... Не виноват мой батюшка в его смерти! Не мог он...

– Борис вознамерился преступным путем надеть шапку Мономаха, – мрачно изрек самозванец. – Токмо меня верные люди спасли. Как сына княгини Соломонии! Не в разбойники же мне подаваться?

¹¹ Марина Мнишек – дочь польского магната, на которой Лжедмитрий обещал жениться и сделать русской царицей в обмен на военную и денежную помощь поляков.

¹² Конюший – лицо при царском дворе, ведающее конюшнным приказом.

Ксения опустила голову, понурилась. Ей была известна печальная история Соломонии Сабуровой, жены Василия III. Родила ли она в монастыре сына, и куда потом исчез мальчик, оставалось загадкой.

Лицо самозванца без бороды и усов, по-европейски выбритое, просветлело, оживилось. Его настроение быстро менялось. Угрюмая задумчивость переходила в бурное веселье, а смех мог оборваться, раздражаясь приступом злобы. Будто бы в нем сидели два разных человека.

– Подло поступил князь Василий со своей княгиней, – заявил он. – За то и поплатился! Молодая жена твоя его – чик, и спровадила на тот свет...

В такие моменты уродец казался Ксении чуть ли не пророком, дьявольской хитростью своей проникающим в чужие тайны. Может, и верно, что бес в него вселился...

– Хочешь, к венцу тебя поведу? – неожиданно предложил Дмитрий. – Честь по чести! Будешь не наложницей, а венчанной женой, царицей.

– Ты полячке обещался...

– Марина далеко, а ты рядом... Московиты к тебе привыкли, ты одной с ними веры, православной. А польская панна – католичка, ей креститься надобно. Некрещеную иноверку архиереи благословлять не станут и мирром не помажут.

Ксения молчала, не поднимая глаз. Соблазн был велик. Став государыней, она сможет отомстить боярам, посмеишим поднять руку на ее родных. А потом... хоть в омут головой.

– Гляди, пропадет твое счастье! – гнул самозванец. – Не хочешь в царицы, отправлю в монастырь, по вашему обычаю! Постригут тебя насильно, посадят в келью – попрощаешься с белым светом навеки.

– Я другого люблю, а ты мне не мил.

– У тебя, вдовица, никто любви не просит! Ты мне отдай трофей, который датский королевич сюда привез, а я тебе взамен – корону. Выбирай, боярышня: царство или монашество!

– Не мил ты мне, – дрожащим голосом повторила Ксения.

– А он мил? Почто тогда в монастырь не ушла после его смерти? Небошь в верности клялась? Почто тогда не постриглась? У вас, московитов, так заведено... или я ошибаюсь?

– Твоя правда... лучше посвятить себя Богу, чем жить с немилым...

– Почто не сбегала с князем Белосельским? Звал ведь тайно венчаться и ехать в Англию, под крыло короля тамошнего? Князь из-за тебя голову мог потерять на плахе. За измену!

Дмитрий громко захохотал.

«Откуда он знает, дьявол? – похолодела Ксения. – И про Белосельского, и про трофей? Как догадался?»

– Мне бес нашептал! – прочитал ее мысли уродец. – Боишься беса? Бойся, боярышня! Жениха твоего из-за трофея убили... и тебя убьют...

** * **

Москва. Наше время

В спальне горела настольная лампа, шторы были задернуты.

– Иди сюда, Альраун, ложись. Может быть, мне приснится вещий сон. И ты, как всегда, будешь рядом и протянешь мне руку помощи, если понадобится.

Сухой корешок, похожий на маленького человечка, днем находился в кипарисовой шка-
тулке, а каждую ночь проводил в постели Астры – под подушкой.

– Он сопровождает меня в моих снах, – объясняла она Матвею. – Там, куда ты не можешь добраться. Он – мой проводник!

Тот не скрывал раздражения:

– Какая-то деревяшка тебе дороже человека!

– Альраун – не деревяшка, а корень мандрагоры, домашний божок, верный спутник в опасных путешествиях... Неужели ты ревнуешь, Карелин?

Матвей ревновал, но ни за что не признался бы в подобной глупости.

– Ты не сыщица, ты ведьма! И методы у тебя дурацкие! Кому-нибудь скажи – засмеют!

– Не надо никому говорить...

Ее невозмутимость порой выводила его из себя. Зеркало, мандрагоровый человечек, флешка с бредовой записью... Уму не постижимо, как это все приводило Астру к разгадке преступления. Но ведь приводило!

Матвей приехал из офиса, когда она уже засыпала. Он прикрыл дверь в спальню и включил компьютер. Надо еще немного поработать. Тишину нарушали щелканье клавиатуры и тиканье часов...

Он уснул под утро, не раздеваясь, на диване в ее гостиной, с мыслями о том, что ему следовало ехать к себе домой, а не сюда, на Ботаническую. Кто он здесь? Друг? Гость? Любовник? Ха-ха! Брат? Еще смешнее...

Родители Астры уверены, что он собирается жениться на их дочери. Она заставляет его играть роль жениха, и он послушно пляшет под ее дудочку... Она вертит им, как хочет! Она...

Его сморило раньше, чем он успел довести размышления до логического конца.

Тем временем Астра досматривала предраассветный сон. Она гуляла с Альрауном по цветущему лугу, прилегающему к реке. За рекой виднелись разноцветные купола церквей...

– Какая красота! – воскликнула она, вдыхая медвяный аромат трав.

Мандрагоровый человечек продирался сквозь цветы, которые были выше его роста.

– Куда мы забрели? – пищал он. – Здесь заблудиться можно! И полно пчел! Будь осторожна! Не размахивай руками, иначе они укусят тебя!

Астра обратила внимание, что вокруг полно пчел, от их жужжания кружилась голова. Ж-жжж-ж... З-зз-зззз... Ж-ж-ж-жжж... Пчелы устремились к Астре, словно она была обмазана клубничным вареньем. Она не выдержала и начала отмахиваться...

– Ж-жжж! – разозлились пчелы. – Ззз-зз-зз!

Они лезли в глаза, в нос, в уши, запутывались в волосах и складках ее платья.

– Беги! – вопил Альраун. – Спасайся!

– Что им от меня надо? – испугалась она.

– Прыгай в реку! Ныряй!

Она без раздумий побежала к реке, бросилась с берега в воду. Пчелы черной тучей неслись следом. Альраун плыл рядом, не отставая.

– Не бойся за меня, я же деревянный!

Пчелиный рой не отставал. Альраун потянул Астру за руку вниз, в холодную глубину... Она не успела набрать воздуха и быстро начала задыхаться. Чем ниже они опускались, тем темнее становилась вода. Мимо скользили щуки и юркие караси...

– Мы тонем... – простонала Астра. – Тонем...

– Держись!

Она изо всех сил вцепилась в мандрагорового человечка, отдалась на его волю... Пчелы потеряли их из виду.

– Поднимаемся... – словно сквозь толстый слой ваты, донеслось до ее ушей.

Они вынырнули далеко от того луга, над которым кружили насекомые. Астра хватала ртом воздух, солнце слепило глаза...

– Просыпайся, – прозвучал знакомый голос. – Уже десять. Завтрак остывает.

Это был Матвей. Он впустил в спальню солнечный свет и стоял, глядя на Альрауна, зажатого в ее руке.

Астра медленно приходила в себя. Пчелы все еще жужжали в ее замутненном сознании...

– Где они?

– Кто?

– Пчелы... целый рой...

Он снисходительно кивнул головой и присел на краешек широкой кровати:

– Женщинам вредно спать в одиночестве. Им снятся кошмары! Дай сюда...

Он хотел взять корешок из ее побелевших пальцев. Не тут-то было. Астре не сразу удалось разжать руку.

– Что с тобой? Ты такая бледная...

– Помнишь загадки Сфинкса?¹³ – вымолвила она дрожащими губами. – Там тоже присутствовали насекомые... Это подсказка! Только что она означает?

Астра села, блуждая взглядом по комнате. Сегодняшний день обещал быть жарким. С утра из окон лилось тепло, на ясном небе – ни облачка.

– Идем завтракать. Я и так опоздал на работу. Ты меня расхолаживаешь...

Ему хотелось есть – запах кофе и гренок возбуждал аппетит. Но Астра не думала о еде.

– Пчелы... – повторила она. – Это означает смерть!..

¹³ Подробнее читайте об этом в романе Н. Солнцевой «Последняя трапеза блудницы».

Глава 7

Тарханин любил светлую одежду, особенно летом. Государственная служба обязывала соблюдать классический стиль: костюм, галстук... Зато в свободное время Игорь носил легкие белые рубашки и брюки из хлопка. В этом они с Улей не расходились.

Он несказанно удивился, увидев ее в черном платье.

– Зачем ты приехал? – сказала она, останавливаясь возле машины.

– Соскучился... Ты где была?

– Что за вопрос? Гуляла... Теперь вот иду домой. Жарко...

Раскаленные за день дома и асфальт делали город душным, пыльным. Даже сумерки не давали облегчения.

– Покатаемся? – он вышел и распахнул перед ней дверцу. – В машине кондиционер. Поболтаем...

– О чем?

Когда Игорь не знал, что ответить, он задавал встречный вопрос:

– Ты ужинала? Может, сходим куда-нибудь, поедим?

– Я ем дома. Не каждый может себе позволить питаться в ресторанах.

– Я угощаю!

– Спасибо, не надо. Зачем тратить?

– Для тебя мне ничего не жалко. Кстати, мы классно посмотримся: ты – в черном, я – в белом. На нас будут бросать завистливые взгляды...

Он ненавидел себя за плоские реплики, за пустоту, которая стояла за ними.

Уля не садилась в машину, но и не уходила, словно заставляя себя играть заданную роль. Тарханин чувствовал, что начинает ей нравиться. Она боролась с этой неожиданной симпатией...

Он говорил бессмысленные слова, чтобы удержать ее.

– На тебе вечернее платье! – заметил он. – Собираешься в театр? Или на вечеринку? Возьми меня с собой. В качестве эскорта.

– Ты ничего не понимаешь, – покачала она головой. – Я иду домой, а не из дому.

Ее волосы были уложены сзади в пышный валик. Слабый аромат средства для укладки смешивался с духами и потом. Будь ее платье другого цвета, под мышками виднелись бы мокрые пятна. Это был запах ухоженного чистого тела, которое поддерживало здоровый теплообмен.

«Неужели, даже запах может измениться? – подумал Тарханин. – Я помню аромат юности, а теперь мы оба зрелые люди...»

Он сделал открытие: запах человеческого тела неповторим и врежется в память наряду со всеми остальными особенностями женщины.

– Где твой фотоаппарат? – с глупой улыбкой спросил он.

– Я сегодня не работала... У нас случилось несчастье. Умерла соседка, тетя Тоня. Мне поручили заказать кое-что для похорон.

Тарханин невольно бросил взгляд на окна первого этажа.

– Ты знаешь, где она жила? – удивилась Уля.

– Нет...

– Значит, догадался. Тетя Тоня помнила меня ребенком, иногда они с мамой закрывались на кухне и долго-долго разговаривали... – На ее переносице залегла горестная складка, но глаза оставались сухими. – Не могу плакать. После мамы как отрезало.

– А отчего она умерла?

– Кто, мама?

– Соседка.

Ульяна повернулась в сторону подъезда и вздохнула:

– Упала с лестницы, ушиблась головой... и все. В ее возрасте кости становятся хрупкими... Ужасно жалко.

– Кто-нибудь видел, как это произошло? – отчего-то заинтересовался Тарханин.

– Кажется, нет... Я не знаю. Ее нашли уже мертвой... Вызвали «Скорую», полицию...

Он подумал, что черное платье Ули – траурное, а не вечернее.

– Тетя Тоня любила смотреть в окно, – зачем-то сказал он.

– На что ты намекаешь?

– Она видела нас с тобой... других... кто приходит, кто уходит... какие машины стоят во дворе...

Молодая женщина вспыхнула, первым ее побуждением было оттолкнуть Тарханина и уйти. Собственно, она давно могла бы это сделать.

– Все старушки обожают следить за соседями, – поспешил добавить он. – В каждом доме есть своя «тетя Тоня», а то и не одна.

Какой-то опасный азарт овладел Тарханиным. Ему хотелось довести бывшую возлюбленную до срыва, до дерзкой, возможно грубой выходки. Пусть она обругает его, ударит. Все лучше, чем эта непроницаемая маска, которую она надела на себя.

«Вдруг, ты ошибаешься? – гундосил внутренний оппонент. – И то, что ты принимаешь за маску, как раз и есть ее истинное лицо? Лови момент! Заставь ее выйти из образа, если это образ. Или убедись, что имеешь дело с той самой женщиной, которая похитила твое сердце!»

«Хуже, – признался Тарханин. – Она завладела моей душой...»

– Тетя Тоня жила на первом этаже, – многозначительно произнес он, глядя на Улю. – С какой же лестницы она упала? Надеюсь, не со стремянки?

– Там есть лестница...

– Десять ступенек, ведущие из парадного на площадку?

– Да... у нее закружилась голова... вероятно...

– Угу, – скептически кивал он. – Угу... Так я не понял, она поднималась или спускалась?

– Говорят, спускалась... в темноте... могла оступиться...

Их разговор походил на диалог следователя и преступника. Тарханин как будто обвинял, а Ульяна как будто оправдывалась.

– Разве в подъезде нет света?

– Вообще-то был, но вчера вечером...

– Лампочка перегорела? – подсказал он.

– Н-не знаю... – смешалась она. – Дети могли разбить из баловства, подростки... Или перегорела. Что здесь такого?

Тарханин, игнорируя ее вопрос, усмехнулся:

– Трагическая случайность, значит...

– Похоже... – Ульяна нервно пожала плечами и переложила сумочку из одной руки в другую. – К чему ты клонишь?

– Зачем больной старушке поздно вечером понадобилось спускаться по лестнице?

– Она всегда выходит... выходила... кормить бездомных котов...

– В одно и то же время?

– Примерно...

– Кто об этом знал?

– Все...

– Ты тоже знала?

– Я? – Ульяна отвела глаза и повесила сумочку на локоть. – Нет, я редко выхожу из дому в такое время... Я по вечерам работаю. Я сова!

«Сходится. Та Уля тоже допоздна сидела за уроками, – механически отметил Тарханин. – Чтобы вечером вытащить ее во двор, мне приходилось решать за нее задачки...»

– Откуда же тебе известны подробности?

– Тетю Тоню нашла Трошкина, когда спускалась выгуливать собаку... Поднялся жуткий переполох, крики, собачий лай! Я выглянула в окно – около подъезда стояли люди, охали, ахали, причитали...

– Ты вышла?

– Нет, зачем? Там и без меня народу хватало. Терпеть не могу зевак! Я крикнула из окна: «Что случилось?» Мне сказали, тетя Тоня расшиблась... Тут «Скорая» приехала, а я села за компьютер. Не думала, что она насмерть...

– Тебе было все равно?

– Я не врач! Помощи от меня никакой... Утром пришла Трошкина, все рассказала и попросила денег с жильцов собрать на похороны, кто сколько даст. Я отказалась... Не могу ходить по квартирам и... в общем, вспомнила маму, расстроилась...

Ульяна махнула рукой, полезла в сумочку за платком. Из ее глаз не выкатилось ни слезинки, но она усиленно шмыгала носом.

– Трошкиной я дала немного денег, она сказала, что после обеда зайдет: отпросится с работы и приедет помогать родственникам тети Тони. У той в Москве живет сын с семьей. Кажется, они уже явились, хозяйничают в ее квартире.

В том, как она произнесла слово «явились», слышалось пренебрежение.

– Что, плохого сына воспитала старушка?

– Не судите, и не судимы будете... – назидательно вымолвила Ульяна.

– Да ладно! Я же не из праздного любопытства спрашиваю. Может, помощь нужна? Жалко старушку. Твоя мать дружила с ней...

– У мамы не было подруг. Она относилась к тете Тоне тепло, по-соседски, но не больше. А что касается сына покойной... он не часто навещался сюда. Трошкина говорит, раньше не вспоминали о матери, зато теперь налетели, коршуны! Добыча-то немалая...

Она осеклась и оглянулась на окна первого этажа, словно ее могли услышать.

«Той Уле не пришло бы в голову ничего подобного, – подумал Тарханин. – Ей была чужда меркантильность. Хотя жизнь порой ломает людей...»

– Где тело? Увезли в морг?

Ульяна кивнула.

– На вскрытие. Полиция настояла...

В воздухе запахло смертью. Тарханин настолько явственно ощутил ее запах, что у него мороз пошел по коже, несмотря на духоту.

– Старушке могли помочь скатиться с лестницы, – вырвалось у него. – Родственники, например...

Ульяна раскрыла сумочку, на этот раз в поисках мятной конфеты. Она вытащила несколько штук и предложила Тарханину.

– Хочешь?

– Давай...

Ульяна положила конфету за щеку и уставилась на него, сверкая глазами.

– Тебе не кажется, что за нами постоянно кто-то наблюдает? – спросил он.

– Нет...

– Какой заказ для похорон тебя попросили сделать?

– После обеда зашла Трошкина, принесла список... какие-то платочки, полотенца, свечки... и венок от соседей. Слушай, у тебя же машина! Ты не мог бы завтра забрать все это и привезти сюда? Вот квитанция...

– Сдается мне, старушка умерла не своей смертью... – заявил он.

– Разве бывает *чужая* смерть? Точку ставит рука судьбы, не важно, каким образом...

* * *

Люси успокоилась по поводу носа и отстала от бывшего мужа. Марк начал ухаживать за ней по-настоящему, с цветами и подарками, с прогулками по реке. Его умиляло то, что она натуральная блондинка – *везде*.

– Ты пришла из сказки, – говорил он. – Маленькая, беленькая, как Белоснежка!

«То Снегурочка, то Белоснежка, – думала Люси, смущаясь. – Везет мне на сказочных персонажей! Главное, чтобы Белоснежку не постигла та же участь, что и Снегурочку».

Она внимательно присматривалась к Марку и, улучив момент, залезла в его бумажник. Там не было фотографии жены и детишек. Кольца на безымянном пальце он не носил. Люси не решалась приставать к нему с вопросами, боясь спугнуть.

– Ты свободен? – как-то обронила она.

– В каком смысле? А... ну, разумеется! – сообразил он. – Я холост, если ты об этом.

– Разведен?

– У меня была женщина, но когда я встретил тебя...

Марк много и подолгу говорил по телефону – Люси не понимала, о чем. Он сыпал словами, от которых ее клонило в сон. Почти как ее бывший супруг. Тот тоже употреблял в телефонных разговорах непонятные слова. Иногда новый поклонник зарывался в ноутбук, и тогда ничего вокруг не видел и не слышал, только щелкал и щелкал по клавишам, уставившись на экран.

– Я работаю. Прости... – отмахивался он от Люси.

Жизнь в столице приучила ее к практичности. Импозантный Марк мог на поверку оказаться брачным аферистом или альфонсом. Но пока что он не давал повода для опасений. В долг не просил, о кредите не заикался и вообще никоим образом не использовал Люси в корыстных целях.

Ей было не интересно, в чем заключается работа брокера. Целыми днями Марк где-то пропадал, и заезжал к ней только после семи вечера, приглашал на ужин или на прогулку по ночному городу. Денег не жалел, покупал ей все, что она хотела. В просторной квартире на Профсоюзной он жил один.

– Твоя или снимаешь? – спросила-таки Люси.

– Снимаю...

Она прикинула, сколько он выкладывает за такие апартаменты, и удовлетворенно вздохнула. Для афериста дороговато будет.

Каждый раз, проводя время с Марком, Люси молилась, чтобы он не начал спрашивать, чем она занимается, на что живет. Не рассказывать же про фирму добрых услуг и провалившееся замужество?! Но развод с Тарханиным рано или поздно всплывет. «Чем позже, тем лучше, – решила Люси. – Не потребует же он у меня паспорт! Это как-то... грубо, не по-джентельменски».

Она осталась на фамилии супруга: Людмила Тарханина куда благозвучнее Людмилы Прищепы. Свою предыдущую жизнь в Зарайске, равно как и профессию «Снегурочки» вкупе с неудобоваримой девичьей фамилией Люси старалась предать забвению. К счастью, Марк не страдал любопытством...

Он был классным любовником, но относился к сексу без ажиотажа, и этим напоминал Игоря. Люси не раз ловила себя на том, что всех бойфрендов так или иначе сравнивает с бывшим мужем.

– Может, съездим на море? – намекнула она Марку. – Ты уже отгулял отпуск?

– Нет... Я беру отпуск зимой, еду в горы. Ты умеешь кататься на горных лыжах?

У Люси испортилось настроение – лыжи она терпеть не могла. Вообще спорт она рассматривала только как способ сбросить лишний жир, хотя применительно к ее телосложению слово «жир» звучало нелепо. Рядом с плотным, коренастым Марком она выглядела тростинкой.

– Хочешь отдохнуть? – в свою очередь поинтересовался он.

– Не откажусь. Меня утомляет город, эти вечные толпы, спешка, шум и суета. Особенно летом, когда все накаляется и совершенно нечем дышать.

Она с мимолетной благодарностью помянула Тарханина, который настойчиво искоренял из ее лексикона слова-паразиты: *типа, короче, как бы* и прочие шедевры современного «фольк-

лора». «Говорить чисто – признак хорошего тона, – наставлял ее бывший муж. – Осваивай правильную речь, детка. Пригодится!»

– Я подумаю об отдыхе... – неопределенно высказался Марк. – Ты... где-нибудь работаешь?

Люси понимала, что этот вопрос возникнет неизбежно, и все равно он застал ее врасплох.

– Я мечтаю открыть свой бутик...

– Мечты, это хорошо! – одобрил Марк. – А в чем загвоздка?

– В деньгах...

Люси отвечала неуверенно, словно школьница, которую вызвали к доске, а она не выучила урока.

– Нужен спонсор?

– Да... но...

Спасительные паузы должны были увести собеседника в сторону от нежелательной темы. Науку многоточий Люси постигла вместе с правилами поведения за столом и на полусветских тусовках.

– Что же Игорь Сергеевич не позаботился о твоём маленьком бизнесе?

Марк будто окатил ее ушатом ледяной воды. Выходит, он все знал! И молчал... Почему? Хотя, что тут говорить?

– Я сама отказалась! – с показной гордостью выпалила она. – Зависеть от бывшего мужа? Спасибо, не надо.

В критические моменты у Люси открывалось второе дыхание: подходящие мысли сами приходили в голову. Марк обнял ее и прижал к себе. От него веяло силой, умением добиваться своего.

– Под моим крылом не пропадешь, – шепнул он, целуя Люси в ушко. – Будет у тебя и бутик, и своя линия одежды, и много, чего...

Они стояли на палубе белого прогулочного катера, любясь спокойным течением реки и берегами, утопающими в зелени. Солнце садилось в малиновую воду, на небе проступали первые звезды. Люси таяла от восторга и радужных надежд. Ветер раздувал подол ее платья из тонкого льна, играл ее мягкими кудряшками.

– Он тебя обидел? – спросил Марк, с умилением глядя на Люси.

– Кто?

– Твой бывший!

Она растерялась от вопроса и тона, каким он был задан. В голосе Марка звенел металл, вибрировала угроза.

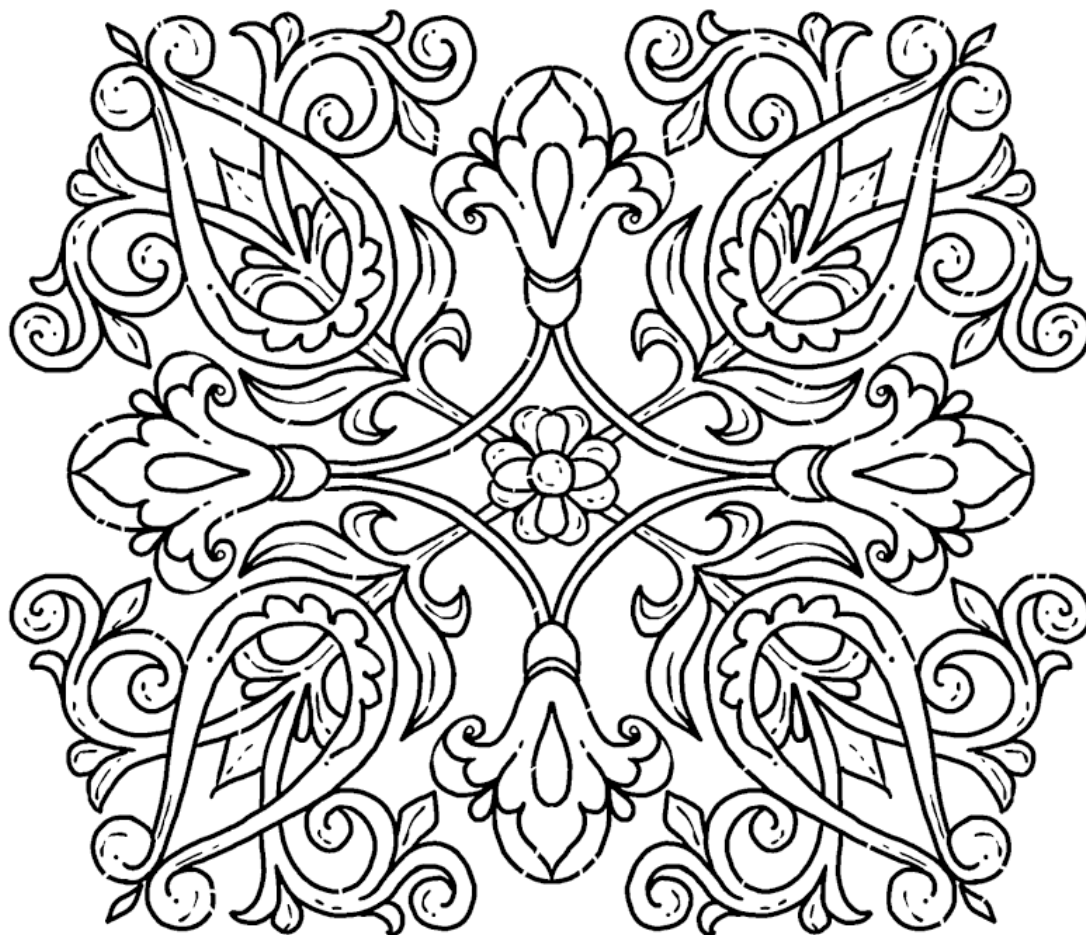
– Ну... в общем... я не держу на него зла... – пролепетала Люси, ощущая пробравшийся под платье холодок.

Закат из золотисто-малинового вдруг показался ей багровым, алым, словно кровь...

Глава 8

Суздаль, XVII век

Покровский женский монастырь

Старица Ольга перебирала в памяти день за днем, год за годом своей злосчастной жизни. Может, всему виной – опасный «трофей»? Где, каким образом раздобыл его датский король-визитер? Почему передал на хранение ей, велел спрятать, сберечь, покуда он за ним не вернется? А как он может вернуться, если умер? Вот уже и ей пора собираться в неведомый путь...

Самозванец искал усердно, весь дворец царский перевернул вверх дном, весь прежний дом Годуновых перерыл. В сумрачных Кремлевских палатах ему было не по себе: по углам опочивальни таились тени, в парадных залах показывались призраки мертвых государей, наводили тоску, предрекали жуткий конец «бесовского правления». От того много пил Дмитрий, закатывал пиры, развлекался с женщинами, но Ксению от себя не отпускал, держал в отдельной светлице. Вваливался к ней в темноте пьяный, страшный, выкатывал глаза, хрипел:

– Надумала, боярышня, али упираешься? Жизнь твоя вот у меня где, – сжимал короткую руку в кулак. – Не отдашь трофей, р-раздавлю!

В подтверждение своих угроз хватал что-нибудь железное, гнул, бросал ей на колени.

– Нет у меня ничего, – твердила Ксения. – А ежели бы и было, так ворами, татями раскрадено. Дворец наши московские люди по твоему навету разорили, с них и спрашивай. И

другие боярские подворья нашей родни громили. Все выгребли! Неужто, Бельский с Басмановым¹⁴ не донесли?

Самозванец угрюмо сдвигал брови, сердито плюхался на пышиное ложе:

– Снимай с меня сапоги! Видишь, царь устал...

Проснувшись наутро, он долго ходил в одной рубаше, пил квас и ругал Ксению, требовал признаться, где спрятана реликвия Иоанна Шлезвиг-Гольштейнского.

– Мертвому власть без надобности, а нам пригодится!

Ксения получила хорошее образование. Отец нанимал для нее иноземных учителей, она много читала. Ей было известно, что принадлежность к царской крови являлась для правителя вопросом жизни и смерти. Вот и расстрига не зря назвался царевичем Дмитрием, якобы, не убиенным, а чудесно спасшимся. Люди падки на чудеса – поверили. Сам польский король Сигизмунд и папский нунций¹⁵ признали его наследником Ивана IV. Без диавола не обошлось...

– Не знаю никакой реликвии, – отпиралась царица. – В глаза не видала!

– Ты, дочка конюшего, царю смеешь не покоряться?

Как ни бесился Дмитрий, как ни запугивал Ксению, та стояла на своем. Если и была у датчанина реликвия, ей про то не ведомо. И куда он ее подевал, одному Богу известно. Тайну сию герцог унес в могилу вместе с ее счастьем...

Самозванец потерял терпение.

– Вот, гляди... – тыкал он ей под нос письмо от Юрия Мнишека, отца панны Марины. – Какие упреки из-за тебя сношу! Есть у меня неприятели, распространяющие дурную молву обо мне. Слушай, что польский пан пишет: «Любя вас как сына, дарованного мне от Бога, прошу ваше величество остерегаться всяких поводов, и так как девица, дочь Бориса Годунова, живет вблизи вас, то по моему и благоразумных людей совету, постарайтесь ее удалить и отослать подальше».

Ксения на то сжала губы и отвернулась. Иногда расстрига, продавшийся нечистому, не брал над ней верха, а в другой раз она была не в силах ему противиться. Не иначе как напускал он на нее колдовского туману, и она теряла волю, сдавалась на милость зверя.

– Господу предаюся, – смиренно промолвила царица. – Пусть он решит мою судьбу.

– Я твой повелитель! – гремел Дмитрий. – Я тебе приказываю!

– Он карает, Он и милует... А ты – беглый монах... берегись гнева Божия...

Как в воду глядела Ксения. Не знал самозванец, какая позорная гибель ему уготована. Измывался над царской дочерью, будто она последняя простолюдинка. Отослал ее в монастырь, чтобы насильно сделали ее инокиней Ольгой, а сам отправил в Самбор свадебные подарки для невесты и будущего тестя – сундуки с тысячами золотых, с золотыми дублонами. Марине послал икатулку, полную драгоценностей из русской казны, чистокровных коней, золотые бокалы, соболиные шкурки. Под Москвой разбили для ее свиты роскошные шатры, а для въезда в столицу гордой полячке была пожалована карета, украшенная серебром и царскими гербами, запряженная дюжиной коней серых в яблоках...

Ксении надели на голову монашеское покрывало. Высокомерную Марину ждал брачный венец... Чей жребий завиднее, не угадаешь.

О падении самозванца инокиня Ольга узнала из послания Шуйского. Вскоре после ее пострига, когда свадебные торжества были в разгаре, а новый царь давал балы, танцевал и веселился с молодой женой, в Москве зрел боярский заговор. По приказу Шуйского ударили в набат на Ильинке. Толпа вооруженных саблями и бердышами¹⁶ людей кинулась «на злого еретика». Дмитрий выпрыгнул из дворцового окна, пытаясь спастись...

¹⁴ Бельский, Басманов – пособники Лжедмитрия I.

¹⁵ Нунций – представитель римского папы при дворе какого-нибудь государства, в данном контексте – польского.

¹⁶ Бердыш – старинное холодное оружие, топор с закругленным в виде полумесяца лезвием.

Вскоре все было кончено. Тело убитого самозванца приволокли на Красную площадь, сорвали одежду. Три дня труп посыпали песком, мазали дегтем и «всякой мерзостью», потом похоронили на кладбище для упившихся и замерзших.

По какой-то причине могущественный покровитель, с коим расстрига заключил договор, подписанный кровью, отвернулся от него. И тут же все окружающие «прозрели» и сообразили, что «царь» не тот, за кого себя выдает...

Небывалые для той поры морозы вдруг побили посевы на полях, а над могилой Отрепьева показывались странные огни, слышались звуки бубнов и пения. «Бесы расстригу славят», – шептались москвичи. Тело самозванца немедленно достали из-под земли, сожгли, смешали пепел с порохом и выстрелили из пушки в сторону Польши, откуда тот явился...

Инокия Ольга была обласкана Шуйскими. Прах ее родителей и брата торжественно перенесли из убогого монастыря в Троицкую лавру. Она ехала за погребальной процессией в закрытых саях и громко рыдала.

По сему случаю она изъехала из тайника, известного ей одной, память об Иоанне Шлезвиг-Гольштейнском – загадочный «трофей», который увезла во Владимирскую Княгинину обитель...

* * *

Москва. Наше время

Матвей оторвался от чертежей и взял трубку.

– Куда ты пропал? Антонину Федоровну убили! – сообщила Астра. – Соседку Ульяны Бояриновой! Ты где?

– У себя в бюро...

– Теперь у нас есть труп! – сердито провозгласила она. – Дождались!

– Я ничего такого не ждал...

Он отодвинул бумаги и взглянул на часы – скоро обед. В окна его кабинета било солнце, под потолком монотонно гудел кондиционер. На улице, вероятно, жара. *Какой труп?*

– Только что позвонил Тарханин, сказал, что тетя Тоня умерла – скатилась с лестницы в темноте и разбила голову, – тараторила Астра. – Та самая старушка с первого этажа! Горелкина! Помнишь? Она еще поила меня чаем и...

– А-а! Ну, да. Ее фамилия Горелкина?

– Он считает ее смерть насильственной. Тетя Тоня давно жила рядом с Бояриновыми, знала покойную мать Ули и ее саму с детства. Игорь Сергеевич обвиняет нас в том, что мы опоздали. Кто-то убрал опасного свидетеля.

– Свидетеля *чего?*

– Понятия не имею... – призналась она. – Мне надо было не дома сидеть, а ехать на Тихвинскую, наблюдать за этой Ульяной, настоящей или мнимой. А ты запретил!

– И не жалею, – отрезал он. – Ты бы и старушку не спасла, и себя под удар подставила.

– Тарханин целые сутки молчал, надеялся от меня услышать трагическую новость. Потом не выдержал и позвонил. Спросил, чем я занимаюсь. А я торчу в четырех стенах без всякого толку! Как будто ответ придет сам собой.

На самом деле Астра иногда предпочитала размышления действиям. Хаотичные движения еще больше все запутывают – такая тактика скорее подходит преступнику, чем сыщику. Дичь петляет, охотник идет по следу. Но если след потерян, лучше остановиться и подумать.

– Ты не обязана дежурить у подъезда госпожи Бояриновой.

– Знаешь, какая мысль не дает мне покоя? Что Антонину Федоровну убили из-за меня! Кто-то увидел нас вместе и решил не рисковать. Однако, в чем же риск, не пойму?

– Постой... Может, старушка действительно упала с лестницы? В ее возрасте...

– Нет! Сдается мне, это не несчастный случай.

– А что говорят родственники? – вздохнул Матвей. – Полиция?

– Надо ехать на Тихвинскую. Давай, собирайся. Я жду.

– Не мешало бы сначала пообедать...

Но Астра слышать не желала о еде. Чувство вины лишило ее аппетита. Молодое лицо девушки в военной форме с санитарной сумкой через плечо стояло у нее перед глазами. Надо было пройти всю войну и вернуться невредимой, чтобы стать жертвой какого-то негодяя...

Сын Антонины Федоровны произвел на Астру отталкивающее впечатление: закормленный розовощекий толстяк безуспешно пытался изобразить скорбь. Его жена, крашенная брюнетка с недовольным лицом, одетая во все черное, фальшиво заламывала руки. Двое их детей-подростков жались в углу на диване, исподлобья поглядывая на гостей. В квартире царил дух смерти – пахло еловыми ветками и ладаном, зеркала были занавешены. У фотографии покойной горела желтая церковная свечка.

– Мы из комитета ветеранов, – представился Матвей. – Принесли деньги...

Пять минут назад по этому поводу у них с Астрой возникли разногласия.

– Вдруг, придут из настоящего комитета? – шептала она, стоя в гулком парадном. – Как мы будем выпутываться?

– Предоставь это мне, – сказал Матвей. – Мы же не братья пришли, а давать. Вряд ли кто-то станет проявлять неуместную дотошность!

Толстяк молча взял у него из рук конверт и сунул в карман брюк. Его жена сопровождала деньги настороженным взглядом.

– Мы бы хотели попрощаться с покойной...

– Тело еще не привезли, – вполголоса объяснила брюнетка. – Оно в морге. Проводилось вскрытие! Соседи вообразили, будто мы причастны к смерти мамы. Вызвали полицию... нас допрашивали, как преступников. К счастью, мы провели тот вечер все вместе, за праздничным столом. Друг мужа отмечал день рождения. Не то бы на нас свалили бог весть что!

Видно было, что она давно собиралась выплеснуть перед кем-нибудь накопленное негодование.

– Неслыханная наглость! – вторил ей супруг. – Кошунство! Как им могло прийти в голову!

– Может быть, стоит подключить наших адвокатов? – предложил Матвей.

– Зачем? – вскинула брови брюнетка. – Все уже выяснилось. Никаких следов насилия на теле мамы не обнаружили. Она просто упала с лестницы и сильно ушиблась. Рядом валялась плюшка с остатками кошачьей еды.

– Мама была такая сердобольная! – подхватил толстяк. – Жалела приبلудных котов, подкармливала их, чем могла. А соседи ворчали на нее, им, видите ли, не нравился запах! Коты... пардон... писали на половички, поэтому мама вынуждена была выносить им еду во двор. Вечером, когда никто не видит...

– Мы хотим подать иск на сотрудников ЖЭКа, – злобно кривила губы его жена. – Они должны следить, чтобы подъезды были освещены. Пусть компенсируют нам моральный ущерб!

– Да! Пусть компенсируют... Маму уже не вернешь, но им будет наука! Чтобы другие не пострадали.

Не дождавшись приглашения, Астра присела на стул. Матвей остался стоять.

– У Антонины Федоровны были враги? – спросила Астра. – Мог кто-нибудь желать ей смерти?

– Из-за котов?! Не думаю, – покачал головой толстяк. – С соседями маме не повезло, но чтобы убить... нет, они на такое не способны.

Он выглядел лет на пятьдесят, с пробивающейся сединой, отягощенный лишними килограммами, одышкой и придиричивой, требовательной женой. Похоже, она держала его и детей в ежовых рукавицах.

– Откуда ты знаешь? – прошипела брюнетка. – Чего им стоило толкнуть старушку в спину? Много силы не надо. Поди, докажи, что она не сама упала...

Астра прикинула, во сколько лет эта претенциозная дама женила на себе толстяка. Он тогда был уже не молод. Возраст погибшей Антонины Федоровны позволял ей иметь правнуков, а детям Горелкиных едва исполнилось четырнадцать-пятнадцать. Они казались погодками.

– Вы поможете нам с транспортом? – спросил толстяк. – На похоронах будет человек двадцать, не больше. Одного автобуса хватило бы...

– Я попробую договориться, – пообещал Матвей, делая Астре знаки, что пора уходить. – Но вы все-таки позвоните в военкомат. Они обычно выделяют автобус для таких целей.

Они вышли из квартиры удрученные. Ничего нового узнать не удалось. Во дворе, на той самой лавочке, где Астра познакомилась с покойной Горелкиной, сидела женщина в летнем сарафане, с коляской. В коляске спал ребенок...

– Ты чувствуешь? – спросила Астра.

– Что?

– Чей-то взгляд...

Матвей сосредоточился на своих ощущениях. Ему действительно показалось, будто за ними кто-то пристально наблюдает...

Глава 9

Тарханин уже не мог объяснить себе, какие чувства он испытывает к Уле. Любовь, страсть, тоску по прошлому или жгучий интерес? Он постоянно думал о ней, – дома, на работе, сидя за рулем автомобиля. Пару раз он проехал на запретительный знак и спохватился: так и до аварии недалеко!

Сегодня у него выдался особенно трудный день: много сложных переговоров, много бумаг, много напряжения. Он не успел пообедать, забыл об ужине – забегался. Уединившись наконец в кабинете, он увидел, что на улице стемнело. В коридоре раздавался приглушенный гул: уборщица пылесосила ковровую дорожку.

Он сидел, ошарашенный от усталости, голодный, измученный. Ехать домой не хотелось – не хотелось даже шевелиться. На глаза попался телефон. Утром звонила бывшая жена, вспомнил Тарханин. Несла всякую чушь. Проявляла притворное беспокойство. Что она говорила, кстати? Из-за нее он целый день не мог сконцентрироваться, то и дело возвращался мыслями к ее словам.

– У тебя все в порядке? – спросила Люси несвойственным ей озабоченным тоном.

– Вроде бы... А что? – ошетинился он.

Опять будет просить денег, но не получит ни копейки. Хватит быть дойной коровой этой безмозглой куколкой!

Вопреки его ожиданиям, Люси не упоминала ни о деньгах, ни о величине своего носа.

– Будь осторожен, Игорь, – сказала она. – Не ввязывайся ни во что!

Он раздраженно хмыкнул и подумал об Уле. Неужели Люси пронюхала о его первой любви? Сомнительно. Она не способна логически мыслить и делать правильные выводы. Значит, бывшая супруга намекает на его служебную деятельность.

– Я взятку не беру! – заявил он.

Люси смешалась. Он ясно представил, как на ее щеках выступает пунцовый румянец, а губы беззвучно открываются и закрываются.

– Ты меня не понял... – выдавила она. – Я не об этом!

– А о чем, Люси, дорогая? Говори быстрее, я опаздываю на совещание!

Торопить ее было равносильно полному ступору. Люси «зависла», в трубке раздавалось ее прерывистое дыхание.

– Будь осторожнее... – жалобно повторила она и... отключилась.

Тарханин ослабил узел галстука, чертыхнулся. Звонок Люси выбил его из колеи. Что она имела в виду – кто-то собирается подставить его? Но откуда бы это стало известно бывшей супруге?

После совещания он закрутился, с головой окунулся в работу. Но предупреждение Люси – такое для нее не типичное – занозой засело в подсознании. Улучить свободную минутку, чтобы позвонить Астре Ельцовой, ему не удалось. Только сейчас, под гудение пылесоса за дверями, он набрал ее номер.

– Есть новости?

– Я была у Горелкиных, – ответила она. – Родственников тети Тони.

– А-а... и что же? Они получили заключение экспертизы?

– Да. Смерть старушки наступила в результате закрытой черепно-мозговой травмы по причине падения с лестницы. Несчастный случай.

– Вот как... – со странной интонацией протянул Тарханин. – Вы видели заключение своими глазами?

– Я побеседовала с патологоанатомом. За ваши деньги он очень подробно объяснил мне, почему пришел к такому выводу. Единственное, что его смутило, – небольшой синяк на верхней стороне стопы погибшей. Не совсем понятно его происхождение. Но в справке он этого не указывал. Мало ли, как тело катилось по ступенькам? Зачем зря людей будоражить? Тем более, когда никто не собирается заводить уголовное дело.

Игорь Сергеевич молчал, собираясь с мыслями.

– Вы кого-нибудь подозреваете? – спросила Астра. – Думаете, старушке помогли упасть?

– Не исключено...

– А смысл?

– Это уж ваша работа, разобраться в мотивах...

– Где вы сами были в тот вечер около десяти часов? – не осталась в долгу она.

– Дома... смотрел телевизор...

– Какая была передача, по какому каналу?

– Не помню, – усмехнулся Тарханин. – Я задремал, кажется. Вы что, намекаете... Ну и ну! Я вам плачу не за то, чтобы вы на меня же вешали всех собак.

– Только некоторых, – уже мягче произнесла Астра.

– Это у вас называется ясновидением? – съязвил он. – Без лишних усилий сделать винноватым клиента?

Она засмеялась:

– Поди, догадайся, что движет человеком, который обращается к сыщику!

– Вы довольно бесцеремонная особа... госпожа Ельцова.

– У меня есть замечательный подсказчик, неподкупный и бесстрастный. Это мой двойник. Правда, его не всегда удастся вызвать на откровенность.

– Все парапсихологи и экстрасенсы весьма э-э... своеобразные люди, – заметил Тарханин. – Слегка не от мира сего. С вами не соскучишься.

– Вы мне льстите! Я просто чуть-чуть более внимательна, чем остальные.

– Что же говорит ваша интуиция?

– Старушку Горелкину, безусловно, убили, но сделали это хитро. Не подкопаешься!

Тарханин вспомнил предупреждение Люси, и его лоб покрылся испариной.

– У Бояриновых была какая-нибудь родня в Москве? – спросила Астра. – Ближняя или дальняя?

– Н-не знаю... я ничего такого не слышал... Судя по всему, Ульяна с матерью жили вдвоем, о родне не упоминали. Надежда Порфирьевна была уже на пенсии, но подрабатывала, как могла.

– Где подрабатывала?

– На почте. Сортировщицей, кажется... Платили копейки. Будь у них хоть какая-нибудь родня, наверное, они бы общались, ездили друг к другу.

«Не обязательно, – сам себе возразил он. – Родственные связи легко рвутся, если их не подкрепляют общие интересы!»

– Ульяна не поддерживает отношений с отцом?

– Он бросил ее в младенчестве. С тех пор о нем ни слуху, ни духу.

– Вы уверены?

Тарханин вдруг вспыхнул – отчего-то ему пришлось не по душе вопрос об отце бывшей одноклассницы.

– Разве можно быть в чем-то уверенным, когда дело касается людей?

Астру не смутила его враждебность:

– Значит, в принципе, отец Ульяны мог объявиться?

– При чем тут ее отец?

– В жизни всякое бывает... Вспомнил человек о родной дочери, решил наверстать упущенное, окружить ребенка любовью, помочь материально...

– Где же он? Почему не появляется? Да и Ульяна не стала бы молчать.

– Вы ее спрашивали?

Тарханин не сразу нашелся, чем парировать, и громко сопел в трубку. Астра ясно представила его нахмуренные брови, колющие глаза.

– Вы фантазируете, – жестко произнес он. – А я сторонник непреложных фактов.

* * *

Тарханин оставил машину во дворе и поднялся на третий этаж, позвонил. В дверях Ули был глазок. Обостренным слухом он уловил ее шаги.

– Я знаю, что ты дома... – сказал он вполголоса. – Открывай, не бойся!

– Зачем ты пришел, Игорь?

– Поговорить...

– Не стоит ворошить прошлое, – отозвалась она. – Я отвыкла от тебя, и мне хорошо.

– А мне без тебя чего-то не хватает...

Он долго стоял под дверью, уговаривая ее открыть. Ульяна упиралась.

– Уже поздно...

– Ты же любишь работать по ночам! – не сдавался он. – Неужели, тебе хочется спать?

– Посмотри на часы! Соседей разбудишь...

– У меня был трудный день. Я ужасно устал, Уля, дай мне хоть чашку чая.

Она была непреклонна.

– В городе полно круглосуточных кафе...

– О, черт!

Он уселся прямо на ступеньки лестницы, обхватил голову руками. Виски ломило. Ульяна так и не сжалась, не впустила его. Та, другая, не была так жестока... Впрочем, он тоже фантазирует, придумывает несуществующие качества несуществующей девушки, женщины...

Тарханин услышал, как наверху заскулила собака, как ругался ее хозяин. В конце концов, тот решил вывести пса. Хлопнула дверь, на лестнице раздались шаги и радостные повизгивания.

Тарханин встал и сделал вид, что курит. Он бросил, но пачку сигарет и зажигалку иногда носил с собой – тренировал волю.

– Микки, не торопись! Задушишься!

Мужчина в спортивном костюме и кроссовках вел на поводке серого пуделя. Тарханин отвернулся.

– Наелся гадости, теперь бегай с тобой! – ворчал хозяин пуделя. – Всю ночь покоя не будет!

Тарханин спиной ощутил его пронизывающий взгляд. Что это за чужак дымит в подъезде? Уж не грабитель ли?

«Какого лешего я торчу здесь, под запертой дверью? – подумал он. – Людей пугаю? Я давно не школьник, и Ульяна – не моя девушка. Не хочет открывать, не надо! Пусть поищет еще такого дурака...»

Он затушил сигарету и спустился вниз, во двор.

– Микки! Микки! – звал пуделя мужчина. – Домой! Спустил негодника на свою голову! – пожаловался он Тарханину.

Пес не желал возвращаться в душную квартиру – убежал в кусты и гонял там голодных котов. Они по привычке собрались на ужин, а кормить их было некому.

– Оставьте его на улице, – посоветовал мужчине Тарханин. – Нагуляется, сам прибежит. Хозяин пуделя плюнул с досады:

– Нельзя. Жена без этого черта домой не пустит! Микки! Микки! Ко мне!

Тарханин махнул ему рукой и пошел к машине. Сел, завел двигатель. Вокруг стояла темнота, полная запаха маттиолы и шелеста деревьев. Глаза сами нашли окна Ульяны – в ее гостиной горел свет, какая-то тень мелькнула за занавеской. Что, если она там не одна?

– К дьяволу все! – процедил он сквозь зубы, сдвывая назад.

Из-под колес с громким мяуканьем кинулась черная кошка.

– К дьяволу...

Тарханин вырулил на дорогу и дал газу. Машин было мало. «Тойота» полетела вперед, рассекая фарами ночной мрак. Он запоздало подумал о черной кошке. Дурная примета. Сегодня все не заладилось... Впервые после развода с Люси его потянуло закурить по-настоящему, в затяжку, но он сдержался, не полез в карман за сигаретами.

– К дьяволу!

Он сам не понимал, к кому или чему обращено ругательство. «Не поминай всуе князя тьмы...» – каркнул внутренний голос. И в ту же секунду через дорогу метнулась собака. Тарханин ударил по тормозам – педаль поддалась легко, провалилась до упора...

– Не понял...

«Тойота» не сбросила скорость. Она продолжала лететь прямо на троллейбус, который приближался к остановке. Тарханин дернул ручной тормоз – машина присела, ее зад занесло... Избегая столкновения с троллейбусом, он резко свернул вправо – «Тойота» выскочила на бордюр, сбила ограждение, вгрызлась в газон и уткнулась носом в ствол дерева. Ручник успел погасить скорость, иначе капот разлетелся бы вдребезги. А так его только смяло, да полетели в траву осколки разбитых фар...

Тарханин, оглушенный и потрясенный случившимся, не сразу пришел в себя. Он был жив, хотя подушки безопасности не сработали. «Значит, удар был не очень сильный, – сообразил он, выбираясь наружу. – В чем дело? Тормоза вышли из строя?»

Вокруг, несмотря на позднее время, собралась кучка любопытных.

– Эй, мужик, ты цел?

– У него кровь! – взвизгнула пьяная девушка.

Она была в брючках-дудочках и полосатой майке. Приятель с волосами торчком дернул ее за руку.

– Не подходи! Вдруг, бензин взорвется?

– Боевиков насмотрелся? – пронзительно заверещала его подружка. – Отвали! Давай, звони в «Скорую»...

У Тарханина болело в груди, что-то теплое стекало по щеке. Он дотронулся пальцами до онемевшей брови. Мокро... в темноте пальцы казались черными...

«Это кровь... – догадался он, чувствуя во рту соленый вкус. – Кровь...»

Глава 10

Суздаль, XIX век

Спасо-Евфимиев мужской монастырь

- Неужто, ты видел его, брат Феодосий?
- Не токмо видел, но и говорил с ним...
- Да ну!
- Вот как тебя, брат Макарий, – истово перекрестился седовласый инок. – Глаза у него, что два угля, огнем горят!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.